

The poster features three stylized characters against a cosmic background of stars and light streaks. On the left, a character in a black uniform with a peaked cap and a red sash holds a futuristic gun. In the center, a character in a yellow and orange suit with a cape stands with hands on hips. On the right, a character in a red and white suit with a cape is shown in a dynamic, floating pose. At the bottom, a glowing golden eagle head is visible. The overall style is reminiscent of classic Soviet sci-fi art.

Генри Лайон
ОЛДИ

ОЙКУМЕНА

КОСМИЧЕСКАЯ СИМФОНИЯ

Генри Лайон Олди
Куколка
Серия «Ойкумена»
Серия «Ойкумена», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155042
Ойкумена. Книга 2. Куколка: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-21116-6*

Аннотация

Кто он, Лючано Борготта по прозвищу Тарталья, человек с трудной судьбой? Юный изготовитель марионеток, зрелый мастер контактной имперсонации, исколесивший с гастролями пол-Галактики. Младший экзекутор тюрьмы Мей-Гиле, директор театра «Вертеп», раб-гребец в ходовом отсеке галеры помпилианского гард-легата. И вот – гладиатор-семилибертус, симбионт космической флуктуации, соглядатай, для которого нет тайн, предмет интереса спец-лабораторий, заложник террористов, кормилец голубоглазого идиота, убийца телепата-наемника, свободный и загнанный в угол обстоятельствами... Что дальше? Звезды не спешат дать ответ. «Ойкумена» Г.Л. Олди – масштабное полотно, к которому авторы готовились много лет, космическая симфония, где судьбы людей представлены в поистине вселенском масштабе.

[Видео о цикле «Ойкумена»](#)

Содержание

Пролог	5
Часть третья	13
Глава первая	13
Контрапункт	50
Глава вторая	64
Контрапункт	99
Глава третья	114
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Генри Лайон Олди

Куколка

Пролог

«Я не страдаю узостью воображения. Но есть вещи, которые мне сложно представить. День, когда меня не будет. Честного чиновника. Аксиоматику Ференца-Кантора. Планету Исхода – гипотетическую пра-родину всех рас, вечный предмет спора философов и историков. С перво-планетой сложнее всего. В ее пользу говорит сходство нашего облика. Но эволюционный путь помпилианцев и, скажем, брамайнов лежит даже не в разных плоскостях – в разных системах понятий. Что перед этим внешняя одинаковость: руки-ноги-голова?»

Меньше, чем ничто.

Одно-единственное слово, из которого, как росток из семени, восстала сотня языков? Мне проще вообразить, как эта уйма языков в конце времен сойдется в одном-единственном слове. Финал дается легче, нежели старт. Так человек не помнит миг рождения. Он не запоминает и миг смерти, зато не раз представляет себе его.

Смущает только древний иероглиф, обозначавший антиса. Точка, откуда начинается множество дорог. Или это все-таки множество

дорог сходится в точку?»

Карл Мария Родерик О'Ван Эмерих, «Мемуары»

Звезды – удивительные существа.

Если любоваться ими, сидя в уютных шезлонгах, выставленных на лужайке перед домом, хлебнув глоточек тутовой водки, вдыхая запах маринада, пропитавшего курятину, уже готовую поджариться на шпаяках, и наслаждаясь теплым вечером – звезды кажутся милыми котятками. Они прелестны и кокетливы, как девочки, едва вошедшие в ту сладостную пору, когда тело пахнет не молоком, а жасмином. Их хочется сравнить с бриллиантовыми гвоздиками, дырочками в бархатном покрывале небес, взглядами ангелов – поэты сходят с ума, живописцы безумствуют, еще глоточек водки, и тайна раскроется во всем великолепии.

Для туриста звезды – названия. Альфа Паука, Бета Змеи, Лямбда Малой Колесницы. Предостережения: на планетах типа Китты рекомендуется носить темные очки, а под лучами двойного светила Йездана-Дасты – трижды в день закапывать в глаза циклокарпин. Голос информателлы: «На трассе в районе Слоновьей Головы зафиксирована активность флуктуации... в маршрут внесены коррективы...» Турист ступает по звездам, как обыватель – по булыжникам древней мостовой, редко глядя под ноги: шаг, другой, десятый, хлебом водочки, зажем зеленым лучком, и пошли дальше.

Если взять энциклопедический инфокристалл и набрать в меню поиска «Звезда» – водород, углерод и гелий, карли-

ки и гиганты, ядро и корона, диаграмма Кресса-Реншпрунга, предел Чандраманьи, спектральные классы и метод параллакса убьют романтику наповал. Бриллиантовые гвоздики обратятся в ржавые шурупы. Они ввинтятся в ваш трепещущий мозг. Взгляды ангелов иссохнут, став препаратом в лаборатории. Котята разбегутся, жасмин сменится формалином. Астрофизики покажут Мирозданию «козу», следующий глоточек, водка приятно обжигает рот, и скорее прочь отсюда.

Звезды же сидят на черной лужайке космоса, в креслах-качалках, попивают мятный ликер и смеются над попытками разглядеть их истинную сущность. Потому что издалека ничего не видно. А вблизи никто не может смотреть на звезду, не моргая.

Так или примерно так рассуждал один лысый щеголь в шортах и рубаше навыпуск. Он коротал вечерок под двумя лунами, любовался быстро темнеющим небом и был склонен к философии.

– Забавно, – сухо заметил его собеседник: седой, маленький, с диковатыми чертами лица. – Ты случайно не пишешь мемуары?

Лысый покраснел.

Пряча смущение, он встал из шезлонга и отправился бродить по веранде, где на стене дома были развешаны куклы-марионетки. Разглядывая кукол, он делал вид, что пропустил вопрос мимо ушей. И вообще, риторические вопро-

сы ответа не требуют.

– Ясно, – кивнул седой. – Котята, девочки, информателла, препарат, формалин. Целая жизнь в пяти словах: от начала до конца. Так что же такое звезды?

Лысый щеголь снял с крючка марионетку, изображавшую широкоплечего красавца-блондина. Куклу следовало бы нарядить в шелк и бархат, украсив голову пышным тюрбаном, а ноги – туфлями с пряжками. Вместо этого кукольных дел мастер заставил блондина довольствоваться синей робой и мешковатыми штанами – одеждой тюремного сидельца или обитателя психлечебницы.

Марионетка вяло болталась на нитях. Безвольная и пассивная, она даже от ветра колыхалась, словно тряпка. Кажется, возьми лысый за вагу – и он не сумеет влить в куклу эликсир жизни. Ну, шажок. Ну, механический жест. Ну, присядем на ступенечку.

Финита ля комедия.

Где-то в местах крепления нитей крылся дефект.

– Искушение, – тихо сказал кукольник в шортах. – Звезды – великое искушение. Никогда не знаешь, на что даешь согласие, приближаясь к ним.

Над озером, невидимым отсюда, встал туман. Зыбкие пряди тянулись во все стороны: так овсяный кисель, разлитый по столу, стекает за край. Белесая дымка заволокла деревья, обвитые лианами тунбергии. Оранжево-алые цветы еле-еле виднелись сквозь газовую вуаль. Колыхались сон-

ные поля арахиса. Острые иглы кактусов жалили призрачную плоть вечера. Расплавилась очертания холмов вдалеке – там, где располагался космопорт. Заволновался маленький тапирчик, привязанный к изгороди.

Но вскоре успокоился, лишь изредка фыркая.

Утром здесь останутся два цвета: голубой и розовый. А сейчас туман спешил взять свое, урвать кусочек от позднего очарования. Лужайка перед домом, свободная от испарений, плыла по мерцающим волнам.

Островок, сорвавшийся с якоря.

– Дай мне уником, – велела женщина.

Третья обитательница островка, не считая кукол, бойкая толстуха, она трудилась у вкопанного в землю стола. Столешница была завалена грудой продуктов: грибы, баклажаны, сладкий перец, лук, чеснок, зелень, сельдерей – и острый нож рубил это добро, как выражался лысый, «в мелкое какаду».

Чувствовалось, что хозяйка далека от звездных проблем.

– Запросто, – лысый щеголь достал из кармана шортсов свой уником. – Лови!

Он взмахнул рукой и расхохотался, когда хозяйка дернулась, чтобы поймать приборчик. Ответный взгляд женщины превратил хохот в смущенный кашель. Стесняясь мальчишеской выходки, кукольник спустился с веранды, подошел к столу и с поклоном отдал уником.

– Ну, извини, – пробормотал он. – Фелиция, душенька!

Неужели ты предпочитаешь жить с глубоким старцем? Вместо шуток – анализ мочи, вместо тутовой – обезжиренное молочко. Вместо здорового секса двух умудренных опытом людей – ...

– Думаешь, лучше жить со старцем, впавшим в детство? – спросила женщина.

Отложив нож на секунду, она набрала код справочной космопорта. Сперва долго бибикал зуммер «Занято!» – большая редкость для здешнего порта, захоластья, не избалованного наплывом кораблей. Потом голос информателлы приветливо сообщил:

– В связи с повышением фоновой активности в секторе, превышающей рубеж Трингера, все рейсы отменены до шести часов утра. Корабли, ранее вылетевшие рейсом на Борго, а также следовавшие транзитом, не принимаются. Им рекомендовано совершить посадку на Чейдау. Администрация приносит извинения...

– Перестраховщики! – возмутилась хозяйка. Нож молнией замелькал в ее руках. Окажись под лезвием не овощи, а чрезмерно осторожные диспетчеры космопорта, им бы не поздоровилось. – Фоновая активность! Еще никаких флуктуаций нет и в помине, еще неизвестно, появятся ли они вообще, а наши боягузы уже запирают ворота! Представляю, что сейчас творится на Чейдау!

– Он прилетит, – заметил седой. – Не волнуйтесь, Фелиция. Он обещал, значит, прилетит. Ждать и не дожидаться –

лишняя боль. Он не захочет причинять эту боль нам, поверьте.

– Ясное дело, прилетит! Для кого я готовлю этот банкет? Если хоть одна крупичка испортится, я задушу его тем галстуком, который купила маленькому негодяю в подарок...

Лысый вернулся на веранду. Держа в правой руке вялого блондина, левой он взял с гвоздя троицу кукол, закрепленную на общей ваге. Все трое были вехденами, наряженными в полувоенный камуфляж. Один дул в трубу, второй брэнчал на гитаре, третий с упоением колотил в барабан.

Управлять куклами можно было как всеми сразу, так и по очереди.

– Я давно хотел спросить тебя, Гишер, – сказал щеголь. – Ты говоришь: боль. Так спокойно, деловито... Каково быть экзекутором?

Седой свернул очередную самокрутку.

– Нормально. Я из трудовой династии. Отец, дед, прадед... Ничего другого не знаю.

– Но боль! Причинять людям боль...

– Горячий чайник тоже причиняет боль. Если ткнуть в него пальцем или сдуру хлебнуть из носика. А прокаженный боли не испытывает. Гниет себе помаленьку – безболезненно. У меня никто из пытаемых не умер. Живы-здоровы – эти на свободу вышли, те схлопотали пожизненное. С некоторыми я переписываюсь. Жена, дети, хлопоты, новости. В гости, между прочим, зовут!

– Не понимаю, – честно признался лысый.

– Нечего тут понимать. Я вот тоже не понимаю, с какой радости ты зовешь клиента куклой. Ты же его не водишь в прямом смысле слова?

Лысый улыбнулся.

– Я его не вожу. Я его *работаю*. Но сейчас я на пенсии.

Извини, что затеял этот разговор.

– Ладно. Я привык.

– Еще по маленькой?

– Давай.

В тумане, обступившем лужайку, звучали таинственные голоса. Трели ночных птиц, вздохи ветра, шелест листьев и свирель в бамбуковой роще – партии множества инструментов сливались в общую симфонию. Тоненько вступили скрипки-звезды. Метеоры, сгорая в атмосфере, пели валторнами. Мрак космоса, смыкаясь вокруг планеты, как туман – вокруг островка, прилегающего к дому, вел партию басов. Кометы били в литавры.

Трое людей ждали, вслушиваясь.

Часть третья

Террафима

Глава первая

Все любят семилибертусов

I

- Синьорита! Один кофе!
- Со сливками? Со взбитым желтком? С ромом?
- Просто кофе.
- Пти? Грандо? Супер?
- Грандо...

Лючано с наслаждением потянулся, хрустнув позвонками, и откинулся на спинку полиморфного кресла. Кресло тут же начало подстраиваться под новое положение тела клиента. По прошествии сорока минут ожидания эта услуга, сперва забавная, раздражала сверх меры. Как собраться с мыслями, если под тобой все время что-то шевелится?

И задницу гладит, зараза. В смысле, массирует.

Он ткнул пальцем в подлокотник, вызывая пульт-проект-

цию, и перевел назойливую технику в пассивный режим. Вздохнув с облегчением, сделал глоток «Елового утра». Слишком много льда. А в релаксатории не жарко. Надо сказать бармену, чтоб прикрутил кондиционер...

Релаксаторий Лючано успел изучить вдоль и поперек. Стойка бара – натуральное дерево. За стойкой, смешивая коктейль, жонглирует посудой бармен – не натуральный, голем. Рядом колдует над джезвой-самогрейкой пышногрудая мулатка – вот это с гарантией натуралка. Напротив, взгромоздясь на антиграв-табурет, парит в метре от пола субъект экзотического вида. Холеное, наглое лицо, жидкие усики-«таракашки», тщательно завитые локоны спадают на плечи...

Мелкий аристократ из варваров.

Ишь, вырядился: кружева, золотое шитье, ботфорты выше колен, со шпорами... Кого ты в звездолете пришпоривать собрался? Капитана? Стюарда? Хорошо хоть, шпаги нет. И лучевика. Такие типы обожают прогресс, свалившийся им на головы в буквальном смысле слова – теперь, упившись, можно не только рубить, но и палить во все стороны. К счастью, не в баре космопорта: законы Лиги не делают различий между «благородными» и «черню».

«По букве закона не делают. А по духу... Есть у законов такой милый душок. Когда пахнет не голубизной крови, а количеством кредиток на счету...»

– Эй! Ты пялиться? На мой? Вызов?!

– Вам показалось, синьор. Я просто жду кофе.

Унилингва хама оставляла желать лучшего, как и его матери. Все ясно: местный барончик (или как они на Тетрафиме титулуются?) впервые отправился Галактику посмотреть, себя показать. Если б не впервые, не лез бы на рожон. И не хлестал бы галлонами «Звездный путь» – на вкус это пошло еще хуже, чем на вид. Заливает обиду, красавец: фамильную секиру, которой прадед кромсал врагов в капусту, в каюту взять не разрешили. Пришлось сдавать в багаж.

Теперь в ожидании рейса надувается спесью и алкоголем.

Остальная публика интереса не вызывала. Техноложцы в деловых костюмах, на лацканах – наклейки с посадочными талонами бизнес-класса; группа вехденов в национальных одеждах; толстенный вудун сверкает белозубой ухмылкой в окружении целого гарема – жены, наложницы, эскорт-любовницы; за столиком чинно обедает помпилианская семья – супруги и двое мальчишек-сыновей; компания подогретых «жёнкой» офицеров не поймешь чьей армии пьет «за прекрасных дам» и горланит «Вдовушку»...

Тарталья с раздражением махнул мулатке: неси, мол, кофе!

«Рабство не пошло тебе на пользу, малыш, – констатировал маэстро Карл, старый добрый внутренний голос, первый из двух вечных спутников. В сказанном отчетливо сквозили нотки беспокойства. – Твой характер стремительно портится. Давно ли ты был гребцом на галере? Давно ли чихнуть

не мог без приказа? Вспомни рабский рацион. Вспомни, как тебя убивали пять раз на день...»

«Я помню, маэстро».

«Тогда радуйся тому, что имеешь! И не ворчи по любому поводу! Не об этом ли ты мечтал, получая багаж на Китте? Релаксаторий, мулатка, „Еловое утро“...»

«Прямо-таки мечтал...»

«Малыш, ты – жуткий зануда! Думал ли ты, что твои желания однажды воплотятся в жизнь благодаря экс-легату Гаю Октавиану Тумидусу?»

«И в страшном сне представить не мог!»

«Так подумай. Хорошенько подумай. О жизни, о ее приключениях. И о себе самом».

Маэстро прав. Надо радоваться. Слышишь, желчный брюзга! – радуйся! Превращение в робота тебе больше не грозит, к тебе снова относятся, как к человеку, а ты все равно чем-то недоволен...

«Как к человеку? – вмешался Добряк Гишер. – Действительно?..»

II

– ...Выделить гостевую каюту класса «В». Поставить на довольствие по норме младшего офицерского состава. Выполнять! – приказал Тумидус офицеру, явившемуся на вызов.

Офицер, которого Лючано раньше на «Этне» не видел, а если и видел, то не запомнил, бросил на «подопечного» скептический взгляд – и внезапно улыбнулся.

– Прошу за мной. Первым делом сходим за вашей одеждой – вам не следует носить *это*...

По коридорам спешили группы рабов. Словно муравьи – добычу, они тащили плазменные резак, бухты силовых кабелей, листы термосила и биопласта, упаковки с герметиком, крепежные штанги и распорки. Надо было залатать пробойны и восстановить энергообеспечение, чтобы галера смогла дотянуть до ближайшего космодрома с ремонтными доками.

Однако Лючано эта суета уже не касалась. Сам того не ожидая, он оказался вне ее, наблюдая со стороны, как сквозь стекло аквариума, за беготней рабов и свободных. Мозг превратился в плотный ком ваты, клочья лезли наружу через уши. Топот ног и сообщения по внутренней связи с трудом пробивались в сознание. Отчасти виной тому была выпитая тутовая водка. Но – лишь отчасти.

Он больше не раб.

Не раб...

Не раб!

«Ошейник» – не в счет. Разве стал бы так разговаривать с ним сопровождающий офицер, оставайся Тарталья по-прежнему рабом Тумидуса?!

– ...Аквилий Понт.

– Простите?

– Меня зовут Аквиллий Понт. Офицер-диспенсатор II класса.

– Очень приятно, – вата на миг растворилась. Тарталья вздрогнул: его резанули заискивающие интонации в собственном голосе. – Лючано Борготта.

– Вас устроит одежда, в которой вы прибыли на борт «Этны»?

– Более чем!

Аквиллий Понт тактично обождал за дверью, пока Лючано переоденется, и повел его показывать каюту. Разумеется, это были не капитанские апартаменты, но, пожалуй, не хуже полу-люкса в отеле «Макумба». А после рабского кокона в общем спальном отсеке – и вовсе хоромы, как сказал бы Степашка!

Тарталья мельком глянул в зеркало, висевшее над койкой. И с неприятным удивлением обнаружил, что, пока он изучал новое жилище, Аквиллий Понт с не меньшим интересом изучал его самого. Интерес этот был какой-то болезненный, можно сказать, постыдный. словно скрытый гей загляделся на прелестного юношу. Заметив, что «прелестный юноша» перехватил чужой взгляд, помпилианец быстро отвернулся.

Может, он и впрямь педик?

– Располагайтесь, не буду вам мешать...

С явной неохотой офицер-диспенсатор удалился. Впервые с того момента, как он ступил на палубу «Этны», Лючано остался один. В собственной каюте. Семилибертус; «на-

половину свободный». Новый, незнакомый статус. Все-таки «наполовину свободный» в то же время означает «наполовину раб». Но офицер обращался к полурабу с подчеркнутой вежливостью! – вряд ли он так же предупредителен с подчиненными. С другой стороны, этот масляный взгляд... Решил поиздеваться? Обождать, пока полураб окончательно возомнит себя свободным? И вот тогда – по сусалам, да мордой в дерьмо: знай свое место!

То-то весело, небось, будет!

Оставалось утешаться малым: подобным образом издеваются над человеком. Вещь, «живой аккумулятор» – скверный объект для издевательств.

На ужин Лючано шел, как на допрос с пристрастием. Вспоминалась отсидка на Кемчуге. Только сейчас он готовился к куда менее завидной роли, нежели младший исполнитель.

Кают-компания встретила его гомоном голосов и звяканьем расставляемых приборов. Поначалу на новенького никто не обратил внимания. Он тихо просочился в дальний угол. Как остаться незамеченным за овальным столом человек на тридцать, когда все усядутся есть, Лючано не представлял.

– Господа офицеры! – возвестил стюард. – Кушать подано!

И Тарталья, замешкавшись, мигом попался на глаза сервис-контролеру I класса Марку Славия.

– А, Борготта! Добрый вечер! Присаживайтесь, не стесняйтесь, – Марк указал на пустующий гумипластовый стул рядом с собой.

Вокруг загалдели: Тарталью хлопали по плечам, поздравляли, о чем-то спрашивали... Едва успевая отвечать на приветствия и вымученно улыбаться в ответ, он все отчетливей понимал: помпилианцы сговорились. Хотят, чтобы полураб расслабился, поверил – и тогда удар получится стократ больнее. Выхода нет: придется играть по их правилам. Но удовольствия мы вам не доставим, господа-хозяева!

Лючано Борготта умеет держать удар.

– Да оставьте же человека в покое! – возмутился наконец Марк.

Он едва ли не силой усадил «человека» за стол. Офицеры волей-неволей отправились по местам. Видя нездоровое любопытство во взглядах, бросаемых на него, Тарталья еще больше утвердился в своих подозрениях.

Кормили младших офицеров на «Этне» как на убой. Тумидус на питании команды не экономил. Телятина под кисло-сладким соусом, пряный рис с зернышками кукурузы, зеленым горошком и карри, хлебцы с тмином, бокал легкого «Дюбуа» и чашечка кофе... После рабского рациона это было настоящее пиршество! Набив живот, Лючано осоловел, но, едва трапеза подошла к концу, и офицеры, промокая губы салфетками, потянулись к выходу, вновь подобрался.

Сейчас...

– Как вам ужин, Борготта?

– Благодарю, превосходно! Что мне надо делать?

– Делать? – изумился Марк. Рослый, плечистый, он с осторожностью доброго великана похлопал Лючано по плечу, как если бы боялся сломать дорогую игрушку. – Ничего. У вас был тяжелый день, вы нуждаетесь в отдыхе. С удовольствием поболтал бы с вами, Борготта, но меня ждет ремонт корабля. Фаги задали галере славную трепку...

Похоже, Марк говорил вполне искренне. Ему действительно хотелось посидеть с недавним рабом за бокалом винца, потолковать о разных пустяках. Но – долг службы! Будь «Этна» цела, тогда – другое дело...

– Наверное, каждая пара рук на счету?

– Ну, не до такой степени, – улыбнулся сервус-контролер. – Отдыхайте.

И Лючано в полном недоумении отправился отдыхать. Никто его не окликнул, не остановил, не приказал заняться делом, в то время как рабы и члены команды трудились, не покладая рук.

Что происходит?!

«Ничего хорошего», – буркнул Добряк Гишер со свойственным ему оптимизмом.

За завтраком он снова ожидал подвоха – и снова не дождался. Никто не поставил на место семилибертуса, невесть что возомнившего о себе, никто не сказал ни одного грубого

слова. Напротив: помпилианцы были вежливы и предупредительны, как... как...

Сравнение вертелось на языке, ускользая.

– Вы б зашли к корабельному врачу! – дал совет Аквиллий Понт. – Бывает, последствия атаки фагов сказываются не сразу. Лучше провериться, от греха подальше...

Маясь от безделья, Лючано направился в медотсек, на ходу прислушиваясь к собственным ощущениям. К маленькой пакости, что проникла в него вчера, стремясь слиться, срастись, опять стать частью целого. Есть? Нет? Растворилось без следа? Ушло? Или вчера ему просто померещилось? Когда выворачивается наизнанку континуум, на обзорниках метет звездная пурга, а законы мироздания начинают сбоить – верить нельзя ничему.

Собственным ощущениям – в первую очередь.

При враче надо помалкивать. Иначе упекут до окончания века в какую-нибудь закрытую лабораторию. Нет уж, благодарю покорно! На роль подопытной крысы Лючано Борготта не согласен!

«А на роль заключенного ты давал согласие? На роль раба? – ехидно поинтересовался Гишер. – Сыщет доктор у тебя в кишках огрызок флуктуации – все, пиши привет!»

Лючано покрылся холодным потом, но было поздно.

Дверь медотсека с шелестом ушла в стену, открывая проход.

– Заходите, заходите! – медикус-контролер Лукулл встре-

тил гостя с распростертыми объятиями. – Я как раз хотел за вами послать, а вы сами сообразили. Очень, очень правильное решение! Люблю сознательных пациентов. Ложитесь в капсулу, будем вас сканировать...

От былой нервозности Лукулла не осталось и следа. Необходимость обследовать и, если понадобится, лечить раба Борготту, «как свободного», больше не вызывала в нем душевного раздрая.

– Вам удобно? Чудненько. Дышите... не дышите!.. один, два, три... Все, можете дышать. Нуте-с, нуте-с, что тут у нас?

Врач по плечи нырнул в недра медицинского монитора. Лючано с тревогой наблюдал за докторской спиной. Вдруг сбудется пророчество Гишера...

– Извините, вынужден попросить вас снова задержать дыхание. Не шевелитесь! Возьмем ультра-диапазончик... ага, вижу, вижу!..

«Влип! Накаркал подлец Гишер...»

– Я вас поздравляю! Вы в полном порядке. Слабое переутомление, и сердечко частит, но это мы поправим, будете как новенький...

Насвистывая веселый мотивчик, Лукулл открыл аптечку.

– Вот вам пилюльки: по одной три раза в день после еды. Запомнили? Ну и отлично! И старайтесь не волноваться. Если что – заходите без стеснения...

Кажется, врач хотел сказать что-то еще, но на пульте требовательно запищал зуммер. В дальнем конце медотсека, на

крайнем коконе замигали алые огоньки. Всплеснув руками, Лукулл кинулся туда.

Уже в коридоре Лючано ухватил за хвост мысль, ускользнувшую от него за завтраком. Нарочитая заботливость помпилианцев больше всего напоминала общение с больными. С убогими, скорбными рассудком; с калеками, кому не по карману восстановительная операция.

Смущение, интерес, неловкость.

Легкое сочувствие.

Во что же он вляпался, став семилибертусом?!

Пять дней прошли, как в раю. К ремонтным работам Лючано не привлекали. Когда он сам вызывался помочь – деликатно отстраняли. Для черной работы у нас есть рабы, для квалифицированной – специалисты. А вы, простите, кто? Наладчик двигательных систем? Нейроэлектронщик? Ах, невропаст, а по совместительству – экзекутор? Спасибо, управимся без вас.

Трижды он пытался выяснить, что случилось с Сунгхари. Сервус-контролеры и доктор Лукулл в ответ лишь пожимали плечами. Жалостливого сочувствия в их взглядах прибавлялось. Можно ли без тараканов в голове интересоваться здоровьем рабыни-брамайни?

Сразу видно – беречь надо человека.

Иначе пропадет.

Увидеться с детьми-гематрами тоже не удалось. Помпи-

лианцы ограждали семилибертуса от прямых контактов с рабами. Дескать, подобные встречи могут вызвать нежелательные эмоции. В отсеки «Этны», предназначенные для рабов, попасть не удалось, а рассчитывать на случайную встречу в коридоре не приходилось. В итоге Лючано часами валялся на койке и пялился в терминал. Но разумное, доброе и вечное, а также глупое, злобное и одноразовое (последнего в галерной фильмотеке оказалось куда больше!) не лезло в голову.

За двое суток «Этну» залатали достаточно, чтобы галера смогла разогнаться для совершения РПТ-маневра. Из разговоров в кают-компании стало ясно, что корабль летит к Тетрафиме – варварскому миру, космическому перекрестку, где обосновались миссии и представительства едва ли не всех развитых цивилизаций Галактики. Еще двое суток ушло на разгон: искалеченный корабль с трудом набирал скорость. Жизнь на галере мало-помалу вошла в обычную колею, и как-то вечером Марк Славий зазвал Лючано к себе в каюту, угостив крепкой граппой. Граппа развязала Лючано язык, и он, похоже, наговорил лишнего, жалуясь Марку на злую судьбу. Марк внимал, кивал, сочувствовал и остался, на удивление, весьма доволен беседой.

А Тарталья утром недоумевал, что это на него нашло.

Перед посадкой Тумидус вызвал его к себе и в очередной раз удивил: вручил кредитную карточку «на карманные расходы». Экс-легат был сух, но вежлив. Вдаваться в объяснения он не пожелал.

Таможенный и пограничный контроль прошли как по маслу. Лючано оглянуться не успел, как «встал на прикол» в релаксатории космопорта – легат отлучился по делам, велел ждать здесь. Накачиваясь кофе, он вяло думал, что мог бы сейчас встать и уйти. Ищи ветра на чужой планете... Дальше крамольных мыслей дело не пошло. Бежать? Скрываться? Податься в нелегалы?

И что дальше?

Кредитку Тумидус заблокирует в любой момент. Опять же, «ошейник»...

– ...Встань и отойди.

III

– ...Встань и отойди.

Поначалу Лючано не обратил внимания на требовательный детский голос. Мало ли к кому обращается незнакомый мальчик?

– Ты глухой, раб? Я сказал: встань и отойди.

Ребенок старательно копировал интонации кого-то из взрослых.

Обернувшись, Тарталья обнаружил возле себя мальчишку-помпилианца лет пяти. Чудное дитя, хоть на картинку: блондин, аккуратная стрижка, костюмчик с модными «радушками». Мальчик снизу вверх смотрел на Лючано. Лицо

его было исковеркано злым недоумением: почему раб не спешит выполнять приказ?!

– Ты меня не слышишь?

– Я тебя слышу, малыш, – улыбнулся Лючано.

– Тогда встань и уйди. Я буду отсюда смотреть визор, – снизошел до объяснения юный помпилианец. Чувствовалось, что он готов кинуться в драку, лишь бы восстановить привычную, естественную картину мира, где рабы встают и уходят, а не сидят и ухмыляются.

– Не хочу я отсюда уходить, – с благодушием взрослого человека ответил Тарталья. – Найди себе другое место, и смотри на здоровье. Или садись вот в это кресло.

– Ты раб. Ты должен повиноваться. Уходи!

Малыш едва не плакал.

На его глазах рушились устои окружающего мира.

Лючано стало жаль ребенка. Он уже решил было встать, во избежание психической травмы, но тут рядом образовался второй мальчик, постарше – явно брат «хозяйчика». Не долго думая, старший отвесил младшему подзатыльник. На удивление, малыш не заревел благим матом, а только надулся и с немым вопросом уставился на брата: за что?!

– Это не раб, балда. Это семилибертус, – объяснил старший. – Он не должен тебя слушаться. Понял?

– А тебя?

– И меня тоже.

– А маму с папой?

– И маму с папой.

– А...

– И дедушку с бабушкой. И учителя Рабирия. Никого. Ты угомонишься или нет?

– А хозяина?

– Хозяина – должен. И то... – мальчик задумался. – Он хозяина по-другому слушается. Иначе. Не так, как все рабы.

– А почему – не так? Почему?

– Отстань, почемучка! Извините, пожалуйста, – серьезно обратился он к Лючано. – Клавдий еще маленький, он раньше не видел семилибертусов. Только по визору.

– Да я и не в обиде...

Маленький Клавдий растерянно моргал, во все глаза разглядывая диковинку – раба, который не слушается.

– А я вас знаю, – вдруг заявил старший мальчик. – Вы к нам в школу приходили.

– В школу?

– Ну да, на Октуберане. 24-й Патриотический лицей имени 3-го Триумфа, в прошлом году. Не помните?

– Извини, дружок, – машинально Лючано начал копировать интонации Гишера. – Ты меня с кем-то путаешь. Я никогда не был на Октуберане. Ни в прошлом году, ни в позапрошлом.

Беседа с детьми, поначалу забавляя, стала раздражать. Или у ребенка отвратительная память на лица, или у Лючано имеется двойник, посетивший Октуберан в прошлом году.

Интересно, а его Тумидус тоже отправит по школам? Зачем? Показывать, чем отличается семилибертус от раба?

Будем ходить по младшим классам и никого не слушаться!

– Да, наверное... – приглядевшись, с неохотой признал старший мальчик. – Это были не вы. Просто очень похожи. Семилибертусы все одинаковые.

Вот так объясненьице! Впрочем, для человека, редко сталкивающегося, к примеру, с брамайнами, они тоже все на одно лицо. Может, и семилибертусы для помпилианцев...

– Персий, Клавдий! Что вы там делаете?

– Мам, мы познакомились с семилибертусом!

– Не выдумывай, Персий! Сколько раз вам твердить: не приставайте к незнакомым людям!

К детям решительно направилась мамаша – дородная матрона. Платье она себе выбрала, мягко говоря, рискованное: в обтяжку, ядовито-болотного цвета. Прическа напоминала вудунскую мамбу, свернувшуюся кольцами. Кукольное, милое личико резко контрастировало с пышными телесами и вульгарной одеждой. Подходя, матрона взглянула на Лючано, – и едва не споткнулась.

Напускная строгость мигом улетучилась с ее лица, сменившись знакомой полуулыбкой. Казалось, наркоманка «в завязке» увидела в свободной продаже любимую дурь, за смешные деньги, практически даром, и в душе ее началась борьба соблазна с зароксом.

Такие улыбки Лючано часто видел на «Этне» в последние дни.

– Извините моих детей за назойливость. Клавдий еще не отличает...

Женщина от смущения замялась, подыскивая нужные слова.

– Ничего страшного, – пришел на помощь Тарталья. – Они мне не мешают. Напротив, так даже веселее...

– Правда? – расцвела матрона, от волнения хлопая ресницами. Лючано почудилось, что он ощущает легкий ветерок. – Они вам действительно не помешали?

– Нисколько.

– Очень рада. Не люблю, знаете ли, когда Клавдик с Персиком доставляют кому-нибудь беспокойство. А они это умеют! Очень непоседливые дети.

– Да, я заметил. Сам такой был в их годы.

– Ах, в детстве все мальчишки одинаковы! Вот и муж мой рассказывает... Кстати, ваш рейс скоро?

– Я уже прилетел. Жду...

Лючано задумался. Как теперь называть хозяина?

– Жду своего патрона, – нашелся он.

– А наш рейс задерживается. На два часа. Представляете?

– Безобразие!

Волей-неволей приходилось поддерживать беседу. Кроме того, сидеть перед стоящей женщиной было неловко. Предложить ей свободное кресло? Заговорит насмерть!

Однако помпилианка его опередила.

– Прошу вас за наш столик. Хотите кофе?

– Мне, право, неудобно...

– Да что вы! Мы просто хотим вас угостить. Наши дети побеспокоили вас первыми!

– Ничуть они меня не...

– Идемте-идемте! Петроний, закажи кофе!

– Извините, я уже заказал кофе. Сейчас подадут...

– Лишний кофе еще никому не повредил! Вы какой предпочитаете?

– Черный «конферт», – сдался Лючано. – С сахаром.

– Петроний, два черных «конферта» с сахаром!

– Рад познакомиться, – привстал отец Клавдика с Персиком, щуплый мужчина с длинными, забранными в хвост волосами. – Петроний Флакк, горный инженер. Моя жена Цецилия. Мои дети...

– Взаимно. Лючано Борготта... э-э... Невропаст широкого профиля.

– Присаживайтесь, Лючано! А меня зовите Петронием, без церемоний... Прошу прощения, я не расслышал. Невропат?

– Невропаст. Кукольник.

– А-а, значит, вы работаете с куклами?

– Да, – решил не вдаваться в подробности Тарталья. – Работают.

Мулатка живо принесла два кофе, словно только и до-

жидалась знакомства Лючано с Флакками. Грандо оказался жиденьким, а «конферт», напротив, отличным: крепкий, густой, с пенкой кремового цвета. И кардамона с имбирем положили в меру, не в пример иным заведениям.

– Ой, как интересно! Дети, вы слышали?

– Слышали, – ответил за обоих Персий.

Присев на стул, он принялся деловито рыться в рюкзачке, изготовленном в виде головы мезорского ящера-реликта. Распустив клапаны пасти, мальчик запустил туда руку и выудил марионетку. Простенькую, для туристов, на дюжину нитей. Кукла изображала жилистого и долговязого вудуна в белых одеждах бокора. Не шедевр, но, в целом, приличная работа. Особенно удалось лицо: скуластое, выразительное, в паутине ритуальных шрамов, с пронзительными глазами навывкате.

– Вот с такими? – спросил Персий.

– Такие я когда-то делал.

– Делали?!

– В определенной степени... Тетушке помогал.

– Расскажите!

– Да, Лючано, расскажите. Это очень интересно.

– Мы никогда раньше не встречались с мастером-кукольникником!

– Просим!

Они застыли в ожидании: Петроний, Цецилия, мальчишки. Казалось, даже пар над чашками замер, готовясь внимать.

И Тарталья, поражаясь сам себе, стал рассказывать. О куклах. О тетушке Фелиции. О детстве, проведенном на Борго. Совершенно незнакомым людям. Помпилианцам. Рабовладельцам. Подробно, взахлеб, обильно жестикулируя.

Вот ведь чудеса...

Поначалу слова выбирались наружу с неохотой, как бы недоумевая: а что это мы здесь делаем? Но Петроний махнул рукой, и мулатка-официантка, став на диво расторопной, принесла бокалы с ледяным пивом, фисташки и стакан мандаринового сока – Лючано отхлебывал попеременно сок, пиво и кофе, грыз фисташки, не прекращая рассказа, и дело пошло на лад. В горле словно провернули невидимый вентиль, речь лилась бурным потоком. Память, образы, картины, полузабытые ощущения извергались наружу, на благодарных слушателей.

...мягкая стружка вьется из-под резца смолистой змейкой. Но резец соскальзывает, раня палец: боль, обида и кровь. На лице куклы остается шрам. Заготовка безнадежно испорчена.

...«Короед, короед, кушал стружку на обед!» – приплясывая, орут соседские пацаны, едва жертва объявляется на улице. Они старше, они сильные и ловкие. Целыми днями они гоняют во флай-бол на самодельных аэроскейтах, плещутся в озере, а не возятся с дурацкими куклами, как девчонки, сидя дома под присмотром тетки.

...чужой, маменькин (ну ладно, тетушкин!) сынок, мямля

и размазня.

«Сами вы... Жуки-вонючки!»

«Ты кого вонючками назвал, короед?!»

...драка. Хотя какая там драка? Его просто бьют. Все скопом. Расквашенный нос, кровь на порванной рубашке, синяки, ссадины. Слезы на глазах.

«С кем ты подрался, Лючано?»

«Ни с кем. Я упал».

...Тетушка не верит, но ябедничать стыдно. Он еще им покажет! Его бьют снова. И всей компанией, и один на один, «по-честному». «Слабак!» Однажды слабак разбивает нос главному врагу, Антонио Руччи. Случайно, махнув вслепую. Отец Антонио кричит на «хулигана» из окна, обещает дать ремнем по заднице. Через неделю пацаны берут его с собой в сад деда Бертолуччо – воровать кивуши. И, разумеется, Лючано попадается.

Все убежали, кроме него.

«Мой племянник – вор?! Лючано, это правда? Синьор Бертолуччо, умоляю, не надо ругаться! Я накажу его как следует!»

«Да-да, накажите! Чтоб зарекся воровать! Нынешняя молодежь ни на что не годна, кроме как сидеть в тюрьме...»

О, это была настоящая поэма в прозе. Горестная поэма о злключениях юного сироты. Помпилианцы слушали, затаив дыхание, лишь изредка, украдкой, вытирая скупые слезы сочувствия. Еще, просили они, еще...

А потом пришел Гай Октавиан Тумидус.

И все испортил грубой прозой:

– Извините, господа, нам пора. Экипаж ждет.

Когда они уходили, Тарталья оглянулся. Семейство Флаков глядело им вслед. Петроний и Цецилия выглядели счастливыми, но виноватыми и смущенными.

Он так и не смог взять в толк – почему?

IV

«Экипажем» оказалась антикварная карета – без упряжки, с долгоиграющей гематрицей на облучке. Все управление рыдвана состояло из двух рычагов и двух педалей. Для местного извозчика – тот наверняка больше привык крутить хвосты лошадям, нежели верньеры приборов – сей механизм являлся пределом, который он был в состоянии освоить.

Обликом извозчик напоминал своих коллег с Сеченя. Грязные штаны с кожаным «седлом» на заднице, под выдавшей виды курткой прячется рубаха, застиранная до полной потери цвета. К различиям же относились шейный платок, экзотическая шляпа с цветком, торчащим из-за ленты, и за кушаком – складной нож длиной в локоть. А плутоватое выражение лица могло с одинаковым успехом принадлежать любому «водителю» с любой из обитаемых планет Галактики.

В этом смысле пигмей Г'Ханга – брат родной.

Покружив минут десять по наземным транспортным развязкам космопорта, самобеглая карета выбралась на «оперативный простор» – на трассу, ведущую в город. Название города Лючано прочел на указателе: Эскалона. С этого момента извозчика обуяла лихость: он решил продемонстрировать, на что способен его крейсер, и разогнал экипаж до невероятной скорости – около двадцати пяти миль в час.

У пассажиров возникли серьезные опасения, что карета вот-вот развалится.

Дорогу с обеих сторон окружали поля, где поспевали съедобные злаки. Желтизна с отливом в красную медь, далее – менее привычный багрянец, и совсем уж неожиданные прямоугольники странной культуры, похожей на цветущую сирень. Вдали, за полями, словно крепость, выростала дымчато-пепельная стена леса. Над ней вздымались к небу гигантские «сторожевые башни», увенчанные курчавыми кронами цвета перепрелого индиго – метров по двести каждое.

Но больше всего поразили Лючано не лесные великаны, живописные нивы и аквамариновое небо, все в клочьях разметанных облаков. Куда ни кинь взгляд, не было видно поселков, кемпингов, или хотя бы отдельных построек. Лишь трасса из космопорта в Эскалону, да возделанные поля напоминали, что здесь живут люди. Захолустное Борго и патриархальный Сечень куда ярче блистали следами человеческой деятельности.

Он даже обрадовался, когда экипаж въехал в город.

Унылые предместья с заборами, горбатыми домишками и жухлой травой вдоль обочины скоро кончились. Ивозчик сбавил скорость, колеса дробно загрохотали по брусчатке мостовой. Справа и слева потянулись неопрятные двух-трех-этажные здания с узкими окнами и безвкусной лепниной. Над черепицей крыш торчали печные трубы и флюгеры из ржавой жести. По деревянным тротуарам сновали эскалонцы – кафтаны, дублеты, робы, панталоны, сапоги, туфли с пржками, башмаки на толстой подошве...

И – шляпы, шляпы, шляпы! Уличные босяки, и те были в шляпах. Количеством и разнообразием головных уборов Эскалона успешно спорила с цивилизованным вдоль и поперек мегаполисом.

«Надо бы и самому шляпой обзавестись...»

Под колесами зашуршал «мокрый» террапласт. Контраст с предыдущим туземным кварталом оказался разителен: спиральные конструкции из пластичной неокерамики, «зонтичные» здания с тросами-растяжками, скрученными из мономолекулярных нитей, сотовые жилища с наращиваемым количеством модулей, «литые» дома из поляризованного плексанола, конструкции из гигантских монокристаллов металлокварца; силовые коконы наружных лифтов, биоподъемники...

Последний писк архитектуры.

Такой «сюрприз» могли отгрохать лишь наиболее продвинутые техноложцы – обитатели Ларгитаса. Эти любили при-

хвастнуть достижениями – как собственными, так и скупленными у иных рас. Ларгитасцы достигли многого, и от этого их, как никого другого, грызла зависть к энергетам – чьи-ми услугами, несмотря на весь свой потенциал, они вынуждены были пользоваться. Собственные источники энергии оказывались слишком громоздкими и не всегда надежными.

За кварталом техноложцев начались высотные «ульи» брамайнов. Быстро и дешево – минимум удобств, максимум вместительности. Впрочем, одно здание, которое Лючано назвал для себя «ритуальным», выглядело дворцом. Величественное строение венчал купол из нефрита, а ко входу вели широкие ступени, облицованные розовым мрамором.

Он не знал, зачем брамайны возводят эти чудеса. Храм? Некрополь? Эх, мог ведь спросить у Сунгхари! – и не догадался. Где-то сейчас брамайни? Что с ней? Выжила ли?

От невеселых мыслей его отвлекла новая смена декораций. Портики, ряды колонн, треугольники фронтонов, темная зелень и декоративные ограды не оставляли сомнений: здесь живут помпилианцы. Карета без предупреждения затормозила. Пассажиры, избалованные компенсаторами инерции, едва не повалились на пол.

– Приехать, кабальерос. Гладиаторий.

V

Двухэтажный домик.

Стены оплетены виноградом.

Вместо двора – крошечный парк, окруженный чисто символической оградой.

Гладиаторий не производил впечатления места, где людей учат убивать друг друга на арене. Может быть, у семилибертусов поединки происходят как-то иначе? Ментально? Как у Гая с Титом? Очень хотелось спросить об этом легата, но Лючано сдержался.

Скоро все выяснится само собой.

Калитка оказалась заперта. Выругавшись сквозь зубы, Тумидус ткнул пальцем в сенсор звонка. Пять-шесть секунд ничего не происходило. Затем воздух между прутьями ограды замерцал, сгущаясь в акустическую линзу.

– В настоящий момент в гладиатории никого нет, – сообщил на унilingве приятный мужской баритон. – Ланиста Жорж Мондени вернется в течение двух часов. Если вы желаете оставить сообщение – говорите после звукового сигнала. Ваше сообщение будет...

Тумидус с раздражением щелкнул пальцами, и линза сосалась. Помпилианец извлек коммуникатор, набрав номер.

– Жорж? Где ты пропадаешь?! – набросился он на невидимого для Лючано собеседника. – Что значит – «срочное дело»?! Я тебя предупреждал? Понятно... Через час? Хорошо, жду.

Внезапно успокоившись, легат выключил коммуникатор.

– Бар видите, Борготта?

– «Requies aeternam»?

– Да, «Отдохновение от забот». Ждите меня там. Через час я вас заберу.

Не дожидаясь ответа, он решительно повернулся и устремился прочь. Легату явно приходилось бывать на Тетрафиме, и в помпилианском квартале Эскалоны он ориентировался без проблем.

Лючано пожал плечами. Ждать – так ждать. Тем более, литром кофе сыт не будешь. По корабельному времени «Этны» обед миновал полтора часа назад, а здесь, на планете, уже смеркалось. Самое время ужинать.

Сумерки падали на город хлопьями небесной сажи. Только что последние лучи здешнего светила (надо бы выяснить, как оно называется!) золотили крыши домов... И вдруг – хлоп! В считанные секунды навалилась темнота. Реагируя на падение освещенности, зажглись фонари. Надпись «Requies aeternam» над дверью бара сделалась объемной, заколебалась в воздухе, переливаясь кармином и зеленью. Справа у входа располагался навес, под которым молча стояли люди. Человек десять, мужчины и женщины.

«Для рабов» – прочел Лючано табличку на стойке навеса.

«Скажи спасибо, малыш, что ты – не с ними. Иди, ужинай».

«Спасибо, маэстро».

«Паясничаешь? Ну-ну...»

Внутри бар оказался вместительным. Интерьер в стиле «антик»: деревянные столы, стулья с резными спинками; за спиной бармена – полки с рядами бутылок. Возле стойки, отдавая дань моде, парили в воздухе «таблетки» антиграв-табуретов – как в релаксатории космопорта.

«Дерево здесь, должно быть, дешевле пластика...»

Едва Лючано сел за угловой столик, рядом немедленно возник раб-официант в белом фартуке, с поклоном вручив клиенту меню. Разбираться с помпилианскими названиями блюд Тарталья не стал: сразу переключил меню на унилингву. Мельком глянул на цены – приемлемо. Впрочем, какая разница, во сколько обойдется ужин? За нас платит Гай Октавиан Тумидус.

Вот она, карточка.

«Так любовницу по магазинам отправляют: подарки скупать...»

– Салат «Цезарь». И свинину по-октуберански.

– Гарнир?

– Тушеный батиок. Да, еще пинту светлого пива.

– «Хмельное»? «Дядя Клавдий»? «Колосок»?

– «Колосок». Где у вас можно вымыть руки?

– Туалет – направо и вниз.

«Requies curagum» был приличным заведением средней руки. По вечерам здесь собирались помпилианцы – не богачи, но и не бедняки, обладатели визы или вида на жительство. «Те, кто имеет десятка три рабов», – уточнил Гишер,

пока Лючано мыл руки и возвращался в зал.

За ближним столиком болтала и смеялась, отдавая должное «Хмельному», компания молодых нотариусов. На варварской Тетрафиме, вступившей в Лигу недавно по галактическим меркам, даже мелкий служащий мог сделать карьеру гораздо быстрее, чем на родине. Неудивительно, что предприимчивая молодежь стремилась сюда. В глубине зала, за банкетным столом, звучали тосты – там справляли юбилей. Возле музыкального аппарата «Сонгвильд» мальчик с девочкой ели мороженое. Мальчик время от времени косился на ряды бутылок и вздыхал со значением. Вздыхать ему оставалось еще лет шесть – законы Помпилии по части запрета на спиртное для несовершеннолетних были строги.

Зато для рыжего декуриона интендантской службы, оккупировавшего «висяк» у стойки, такой проблемы не существовало. Военнослужащие, уходя в увольнение, имели полное право напиваться хоть до сизых «кракенов» – лишь бы на следующее утро они были в строю.

– Эй! Еще «Дядю Клавдия»!

Бармен запустил по стойке литровую кружку пива, темного и густого. Следом к декуриону заскользила стопка «Егерской крепкой». И завершила движение закуска – блюдо вяленой саранчи.

«Молодец! Чего зря брюхо набивать? От закуски градус падает...»

К счастью, никто не тревожил Лючано, приглашая за свой

столик. Официант принес заказ, и Тарталья получил возможность спокойно утолить голод, не отвлекаясь на докучливых собеседников. Покончив с едой, он бросил взгляд на циферблат-татуировку – часы успели перестроиться на местное время. Если легат пунктуален, в чем мы не сомневаемся, до его появления остается минут семь.

– Эй! Повтори «Егеря»!

Ожидая, пока бармен нальет новую стопку, рыжий декурион обернулся. Взгляд его уперся напрямиком в Лючано – и заворчался, заерзал, нороя вгрызться буравом. В маленьких, налитых кровью глазках интенданта не было ничего хорошего, или хотя бы привычного. Ни сочувствия, ни понимания, ни болезненного интереса.

Тупое пьяное раздражение.

И еще – злоба.

Декурион всем телом подался вперед, едва не свалившись с табурета. Он моргал, щурился, тщился что-то высмотреть в Борготте, мрачняя с каждой секундой.

– Братца встретил! – хохотнул подвыпивший нотариус.

Компания разразилась смехом, словно услышала остроумный анекдот. Декурион побагровел, резко обернулся к весельчакам – и, потеряв равновесие, шлепнулся-таки с антиграв-табурета на пол.

– *P-pedicabo ego... vos et irrumabo!*..

Нотариусы ржали табунком молодых жеребцов, рыжий детина неуклюже поднимался с пола, а Лючано, впервые со-

жала, что знает помпилианский язык, понимал: сейчас кое-кому будет плохо. Земляки между собой как-нибудь разберутся, а инорасцу-семилибертусу в любом случае достанется. Надо делать ноги. Увы, декурион находился между ним и выходом. И бармен решит, что клиент норовит сбежать, не расплатившись...

Рыжий наконец встал. Зачем-то уставился на свою правую ладонь, плюнул туда и с натугой сжал кулачище: мосластый, волосатый, с тугими костяшками. Хмыкнув с удовлетворением, декурион качнулся вперед и без вступительной речи заехал шутнику в ухо. Нотариуса унесло под «Сонгвильд», словно надувную куклу.

Завизжала девочка.

Героически вскочил мальчик: защищать.

За банкетным столом подавились тостом.

– Ах, ты, десятичник!

– Ты кого...

– Бармен! Вызовите патруль!

Кулак декуриона не спешил разжаться. Мосластая гиря с хрустом впечаталась в лицо второго нотариуса, который обозвал солдата «десятинщиком». Двое уцелевших повисли на драчуне и, спустя минуту, полную воплей и ругательств, завалили врага на пол. Кто-то упал сверху, бестолково молотя рыжего куда попало, кто-то скакал вокруг, норовя пнуть обидчика ногой. Декурион взревел сиреной гражданской обороны, стряхнул обузу и, не обращая внимания

на пинки, вскочил – гораздо резвей, чем после первого падения.

– Бармен! Где патруль!

– У них занята линия!

– Вечно их не дозовешься...

Драка набирала обороты. Выбравшись из-под музыкального аппарата (от сотрясения тот заиграл «Астры для моей крошки»), шутник ухватил ближайший стул и разнес его в щепки об спину громилы. В ответ декурион молодецким ударом отправил шутника в нокаут. Секундой позже шустрый нотариус исхитрился засадить рыжему по гениталиям. Вояка с хрипом согнулся пополам, невнятно поминая «pedicabo» с «irgumabo» – и по хребту, по плечам, по голове скандалиста заходили части многострадального стула, подхваченные нотариусами.

– Не смей! – визжала девочка.

Мальчик делал вид, что желает участвовать.

Бармен терзал коммуникатор.

Банкет давал советы и пил здоровье пострадавших.

Лючано решил, что ждать легата он может и на улице. Работник, как ни в чем не бывало, возник перед столиком. Получив сигнал с сенсора вызова, робот выполнял задание, не интересуясь остальным.

– Я хочу рассчитаться. Вот карточка.

– Да, господин.

Из кармана передника раб извлек портативный карт-ри-

дер. Вставив карточку, он продемонстрировал сумму, дождался, пока клиент согласно кивнет, и произвел транзакцию.

– Спасибо, что зашли в «Requies curagum». Приходите еще.

«Ага, как захочу схлопотать по морде, так сразу...»

– Солдат! Смир-р-р-на!!!

За миг до команды декурион расшвырял противников и, косолапя, двинулся в сторону банкета. Но, услышав приказ, рефлекторно замер, даже руки по швам вытянул. Опомниться забияке не дали. По ступенькам вихрем слетел Тумидус, с умелой жестокостью завернул рыжему руку за спину, к затылку, ткнул мордой в стол.

– Не дергайся, солдат. Изувечу.

– Держите его! Мы сейчас... мы уже идем!..

Разгоряченные, избитые, злые, как голодные фаги, нота-риусы решили воспользоваться моментом и от души наломать обездвиженному противнику. Легат искоса зыркнул на них – и герои быстро передумали. Кажется, дошло: если этот здоровяка скрутил, то их просто по стенкам размажет.

По ступенькам загрохотали сапоги. В баре объявился патруль: обер-центурион и пара курсантов с повязками-мигалками на рукавах. Выведены в режим «тревоги», мигалки синхронно вспыхивали алым, оставляя в воздухе мерцающие надписи:

«Внимание! Военная полиция!»

– Обер-центурион Припий! Благодарю за помощь в задержании!

Прежде чем изъявить благодарность, Припий с ревностью воззрился на экс-легата. Штатский хлыщ декуриона ломает? Непорядок! Нам, патрулям, по чину положено, а всяческим штафиркам... Впрочем, глаз у Припия был наметанный. Да и выправку Тумидуса не заметил бы разве что слепой.

– Забирайте буяна.

– Кто затеял драку?

– Он! – загундосил шутник, хлюпая разбитым носом. – Он первый...

Обер-центурион демонстративно пропустил заявление нотариуса мимо ушей. Припий ждал ответа от декуриона.

– Я, – выдавил рыжий.

– Причина?

Декурион покосился на Лючано, но ничего не сказал. Однако и Припий, и легат успели проследить за его взглядом.

– Семилибертус. Ясное дело, – буркнул обер-центурион. – Важные господа решили посмеяться...

Он замолчал. По лицу Припия ясно читалось, что начальник патруля бранит себя за длинный язык. Нотариусы отводили глаза. Мальчик, разгоряченный зрелищем драки, лез целоваться к девочке. Банкет выпил «за здоровье всех присутствующих». Бармен подсчитывал убытки.

Музыкальный аппарат доиграл «Астры» и угомонился.

– Вы арестованы! Следуйте за мной!

Курсанты вывели декуриона наружу. Припий, козырнув на прощание легату, вышел следом. Лючано подумалось, что рыжего декуриона не станут наказывать слишком строго. В голосе обер-центуриона сквозили нотки понимания и...

Сочувствия?

– Вы расплатились, Борготта? Идемте, нас ждут.

VI

Сонный ланиста, которого Лючано не успел толком рассмотреть в тусклом освещении холла, выдал ему чип-карту от четырнадцатого номера (второй этаж, налево), сообщив, что завтрак с восьми до девяти, просьба не опаздывать.

И ушел спать.

Номер, как и весь гладиаторий изнутри, напоминал пансионат «семейного» типа на третьесортном курорте. Уют без лишней роскоши, по-домашнему. Две смежные комнаты, ванная с санкомплексом «Гигиена», крошечная кухонька и балкон с видом на парк.

– Мне пора, Борготта. Слушайте Жоржа, и избежите проблем.

На языке вертелось множество вопросов, которые хотелось бы задать Тумидусу, прежде чем расстаться. Но вопрос, прозвучавший первым, оказался неожиданным даже для Лючано.

– Гай, у вас есть два раба... Дети-гематры, близнецы. Я

смогу увидеться с ними?

– Увидеться? – переспросил Тумидус со странной интонацией.

«Зарвался, малыш», – подсказал издалека маэстро Карл.

А Гишер подвел черту:

«Влип, дружок».

– А со мной увидеться вам не хотелось бы?

Ошейник сдавил горло. Лицо Гая превратилось в лик исполына, надвинулось, вытесняя весь мир. Пришли удушье и паника. Лючано захрипел. В мозгу кружилась вьюжная звездочка, как на обзорниках «Этны» во время атаки фагов.

– А-а...

Он сидел на полу, судорожно глотая ртом воздух. Легат не сдвинулся с места – стоял у двери, спокойный и равнодушный.

– Запомните этот урок, Борготта. Вы – моя собственность. С помощью ошейника я достану вас где угодно, и когда угодно. С моими рабами вы увидите только в качестве одного из них. Восстановить клеймо в полном объеме проще простого.

– Я... я понял.

– Отлично. А теперь ложитесь спать. Надеюсь, я вас увижу нескоро. С завтрашнего дня вы наконец перестанете приносить мне одни неприятности. И начнете приносить хоть какой-то доход. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Гай.

Контрапункт Лючано Борготта по прозвищу Тарталья (десять лет тому назад)

В юности я удивлялся ограниченности маэстро Карла. Облетав с театром едва ли не всю Галактику, побывав на сотне миров, купаясь в разнообразии, за которое иной продал бы себя с потрохами, он мечтал о тихом домике на Борго, где можно по стенам развешать коллекцию марионеток, а по вечерам пить бренди на веранде, любуясь парочкой капризных лун.

И так – изо дня в день. До конца отпущенного срока.

Он сошел с ума, думал я.

Стареет, думал я.

Интересно, что думал он, глядя на меня – наивного, ничего не смыслящего в жизни идиота?

– Вы ошибаетесь, – сказал профессор Штильнер.

– Ничего подобного. Я убеждена, что вы решились на эксперимент и готовитесь к отлету. Никого не предупредив, не отчитавшись перед ученым советом, выбрав себя самого в качестве объекта. Адольф Фридрихович, вы превращаете авантюру в безумие...

– Откуда у вас такие мысли? Вы делали расчет на меня?

– Нет.

– Поверьте, это ужасная ошибка. Вы вообразили невесть что, и теперь...

Женщина шагнула вперед.

– Не смейте мне лгать, профессор!

Вне сомнений, она была гематриейкой. Как у всех представителей этой расы, речь ее напоминала ожившую стенограмму: размеренная, четко артикулированная, без резко выраженных интонаций. Эмоциональная окраска намечалась едва-едва – так художник набрасывает эскиз картины, которую, скорее всего, не начнет писать никогда. Знаки восклицания невольный свидетель, окажись он поблизости, мог лишь домысливать. Восстанавливать, исходя из скурых жестов, ориентируясь на «мертвую» мимику и точную, но малозаметную акцентировку.

Тем острее чувствовалось возбуждение: критическая масса его, грозя взрывом, копилась в кабинете. Иногда намек звучит ясней констатации факта – так грудь, мелькнув в распахнувшихся одеждах, возбуждает больше откровенной наготы.

– Госпожа Дидье... Эмилия Лукинична... – бормотал Штильнер, отступая к подоконнику. Он ослабил узел галстука, расстегнул воротник рубашки. Щеки профессора побагровели, как от удушья. – Да что ж это творится, в конце концов? Вы в моем кабинете, ворвались, кричите на меня...

Женщина устало вздохнула. Маленькая, пухленькая, средних лет, в строгом платье с воротничком под горло, она могла бы быть привлекательной – в другое время и в другом месте. На Сечене ценили здоровую плотскость. Пышки-глупышки, толстушки-хохотушки хвастались более обширной коллекцией кавалеров, чем их ослепительные подруги – длинноногие и высоченные королевы красоты. Вряд ли гематрийка числилась в глупышках, а в хохотушках – тем паче, но все же...

Увы, в данном случае женственность терпела сокрушительное поражение. Не всякому кавалеру по сердцу, сидя рядом с предметом обожания, раскрашивать каждую реплику дамы цветными маркерами, словно ребенку – черно-белый рисунок в альбоме.

– Я готова убить вас, профессор. Своими руками. Но...

– Спасибо на добром слове, госпожа Дидье, – шутовски раскланялся профессор.

– Но допустить самоубийство, – продолжила госпожа Дидье, пропустив «благодарность» мимо ушей, – под видом эксперимента? Увольте, не могу. Это для вас переоборудовали «Жанетту»? Челнок напичкали автоматикой, будто жареного гуся – яблоками...

– Чушь! Бред воспаленного мозга! Я не хочу слышать эти архиглупости! А если даже и для меня, то какое ваше дело?!

Вот у профессора Штильнера не с логикой, так с восклицательными знаками все было в порядке. Большие, жирные,

честные. За такие восклицательные знаки, подумал Лючано, судья дает срок, не вслушиваясь в доводы защиты.

– У вас есть лицензия пилота?

– Эмилия Лукинична! Обижаете! Я – космобестиолог!

– Вы – космобестиолог-теоретик. Если угодно, выдающийся теоретик. Гениальный. И совершенно не умеете врать. Спрашиваю еще раз: есть лицензия или нет?

– Есть. Я прошел трехмесячные курсы по пилотированию.

Штильнер принял гордую позу. И зря.

– Ясно. Кандидатский минимум. Класс «G-прим», орбитальные полеты. Третья категория сложности. Взлет и посадка – на автопилоте. Вы собрались полюбоваться Сеченом с орбиты?

– Почему сразу – с орбиты? И потом, Аркадий Викторович не откажет послать со мной Данилу...

– Какого еще Данилу?

– Данилу Бобыля, своего личного пилота.

– Крепостного? Ну да, конечно... Очень удобно – барин велел, и Данила летит, ничего не спрашивая. Сгинет – тоже не беда, Мальцов найдет себе нового. Ах, профессор, воля ваша, но я бы рекомендовала графу высечь вас на конюшне. Для вразумления. В древности это считалось самым популярным наказанием в здешних краях...

«Высечь на конюшне?» – издали переспросил Лючано.

Его – младшего экзекутора, практика, не слишком образованного по части истории пыток – заинтересовала экзо-

тическая идея. К сожалению, оба собеседника не обратили на Тарталью никакого внимания. Движения Штильнера и гематрийки, которую профессор именовал Эмилией Лукиничной, замедлились, а там и вовсе остановились. За окном, в вечерней мгле, над приземистым двухэтажным корпусом всплыл и начал мерцать объемный люминофор «ЕЕЩУДЯРГ». Вскоре мерцание застыло, превратясь в ровное, желто-голубое свечение.

Лючано долго смотрел на эту абракадабру, мучаясь догадками, пока не сообразил, что слово будет правильно читаться не отсюда, из кабинета, а снаружи, со стороны трассы, проходящей за корпусом.

«ГРЯДУЩЕЕ».

Евгенический центр на Сечене.

Любимое и, увы, нежизнеспособное дитя Адольфа Штильнера.

Было даже слегка обидно. Жизнь и без того сложна, чтобы впридачу смотреть по ночам такие сны – весточки из прошлого. Тарталья предпочел бы что-нибудь эротическое, или комедию. Он пролился сквозь кабинет, сквозь окаменевший сон, не ощущая собственного тела, и сконцентрировался между письменным столом и шкафом, битком набитым инфокристаллами и мнемокапсулами. От его действия все пронизала дрожь, и дело сдвинулось с «точки замерзания».

Надпись «ЕЕЩУДЯРГ» за окном опять замерцала.

Правда, мелкий эпизод – миг-другой, не более – явно вы-

пал из цепочки событий. Профессор Штильнер в данный момент стоял не у подоконника, как раньше, а у диванчика в углу, словно только что вскочил с него в негодовании. Гематрийка же без стеснения расположилась за профессорским столом. Двумя пальчиками она держала расстегнутый футляр из квазидермы с тиснением.

– Ну, знаете... – с нескрываемой брезгливостью сообщила Эмилия, изучая добычу. – Всякое ожидала, но это... Хоть бы спрятали, что ли, от посторонних глаз?

Штильнер в гневе замахал руками, желая возразить, дать укорот нахалке, и не в силах от ярости произнести хоть слово. Лишь спазматический кашель клочотал в горле. Наконец он угомонился, плюхнулся на диван и тщательно промокнул вспотевшую лысину платком. Лицо профессора сделалось утомленным, несчастным. Чувствовалось, вранье даётся ему с огромным трудом, вызывая физическое недомогание.

«Хотел эротики, малыш? – усмехнулся маэстро Карл. – Получи и распишись...»

«И комедия не заставила себя ждать», – подвел итог Гишер.

Лючано понимал гематрийку. Предмет, извлеченный Эмилией из футляра, не предназначался для демонстрации в приличном обществе. Разве что в «мягких» порно-фильмах, для семейного, так сказать, просмотра. Вагина из губчатой самоувлажняющейся микропорки с мобильными нано-сти-

муляторами, семясборник-консерватор, и отдельно – медальон-носитель с плесенью куим-сё. Запись «Тайных грез» или сериала «Новенькая из 10-Б». Этой штукой пользовались в донорских пунктах при сдаче мужского семени в банк, или для анализов. Но большей частью «мамочку» – мастурбатор «Lady blue», в комплекте виброяйцо для дополнительной стимуляции – облюбовали одинокие, застенчивые неврастеники, испытывающие трудности с сами знаете чем.

– Вот, – еле слышно буркнул профессор, – теперь вы без спросу роетесь в моем столе... Постыдились бы! А это, между прочим, совсем не то, что вы думаете. Это, знаете ли, оборудование. Да-с, оборудование! Необходимое для эксперимента. Думаете, легко мне было спрашивать «мамочку» у продавщицы? Чуть со стыда не сгорел...

Холодные, бесстрастные глаза гематрийки в упор смотрели на Штильнера. И Тарталья готов был поклясться, что в самой глубине, на дне, в тайном омуте, поблескивают знакомые искорки. Женщины так глядят на *своих* мужчин, оставшись с ними наедине. На пожилых, лысых, смешных мужчин, зачастую еще не выяснивших, что они – свои.

Глядят, не видя лысины.

Не замечая возраста.

Обращая комическое в величественное.

– Насколько я вас знаю, профессор, – сказала Эмилия Дидье, – вы предусмотрели и запасной вариант. Я имею в виду, кроме «мамочки». Не Данилу же, извините, использовать...

Она шутит, с изумлением понял Лючано. Но изумление быстро прошло: мой сон, что хочу, то и подмечаю. Даже влюбленность и чувство юмора у гематров.

Профессор кивнул с достоинством:

– Да, предусмотрел. Я предполагаю взять на борт проститутку-брамайни, способную к зачатию и последующему деторождению. Это недорого и реально. Я узнавал. Отказ от родительских прав она подпишет перед стартом.

Сон мало-помалу становился интересным.

– Я понимаю это следующим образом, – Эмилия опустила футляр со злополучной «Lady blue» в ящик стола. – Вы, Адольф Фридрихович, тайно готовитесь к отлету на «Жанетте». С Данилой Бобылем, а если граф откажет, то и без Данилы. В самом деле, у вас же есть лицензия, вы три месяца штудировали пилотирование... Карту флуктуативных скоплений подходящего класса, полагаю, вы составили лично, как видный теоретик. В качестве суррогатной матери вы берете с собой проститутку-брамайни. Если проститутка откажется лететь, у вас про запас есть чудесный мастурбатор, способный хранить семя до трех недель. Я ничего не упустила?

К концу ее тирады Штильнер был густо-багров. Лючано ожидал взрыва, но ошибся. Профессор шумно выдохнул, обеими руками пригладил волосы и рассмеялся.

– Я, Эмилия Лукинична, иногда забываю, что вы из гематров. Слишком уж вы мне симпатичны. Нет, голубушка,

вы изложили дело самым подробным образом. Спасибо, что вскрыли всю авантюренность затеи сумасбродного Адольфа Штильнера. А теперь послушайте меня. И не перебивайте! Вы единственная, с кем я делился своими умозаключениями, а значит, единственная, кто в силах понять.

Он опустил на диванчик и замолчал, собираясь с мыслями.

– Да, я теоретик. Рассеянный, непрактичный, легко увлекающийся человек. Но даже я вижу, что будет, выйди я на ученый совет. Почтенные коллеги, всем встать! Я принес вам преприятнейшее известие – радикальный прорыв в социал-управлении эволюцией человека осуществлен! Отныне передача расовых свойств энергетов по наследству при смешанных браках – тьфу, плюнуть и растереть! Дело за малым: в процессе зачатия, помимо обоих родителей, должен участвовать «третий нелишний» – флуктуативный материал, посланец космоса! Одного будущего родителя, а лучше – сразу обоих, требуется предварительно заразить частицами флуктуации континуума, которая в свою очередь рождена РПТ-маневром наших кораблей! «Кракен» или «дэв» в супружеской постели – залог успеха! Дорогие друзья, мы организуем экспедицию для подтверждения моей гениальной гипотезы, и благодарная Ойкумена нас не забудет! Господа меценаты, уважаемые спонсоры, шапку по кругу!

– Вы уйдете под громовой хохот, – тихо сказала гематристка. – При вашей репутации...

Штильнер с горечью усмехнулся.

– Разумеется. При моей репутации. Я даже не успею перейти к научным выкладкам. К объяснениям, что вместо агрессивного «кракена» для инициации собираюсь использовать «прото-амёбу». К заявлению, что корректировать эволюцию микрокосма можно лишь инструментами эволюции макрокосма... Меня закидают гнилыми томатами. Но самое опасное не это. Томаты я стерплю. А если в зале окажется ушлый молодчик, который сумеет подтвердить мою гипотезу на практике? Раньше, чем это сделаю я? Я готов делиться позором. Но делиться лаврами я не желаю!

Лючано впервые видел *такого* профессора Штильнера. Он недоумевал, в чем дело. Шутки подсознания, решившего облагородить глупый сон – превратив комическое в космическое, а нелепость в самопожертвование? Причуды рассудка, компенсирующего напряжение реальной жизни?

Влияние «ошейника»?!

Стоило пару дней назад переволноваться из-за медицинского обследования, поддаться мнительности, воображая себе ужасы безумной заразы, частицы фага, поселившейся в твоих кишках – и нате-ка! Психика трансформировала нервный срыв в дурацкий сон, а собственный страх – в завиральные идеи Штильнера. Нельзя же, в конце концов, допустить, что нам снится реальный случай, который имел место быть?!

А когда, собственно, это могло случиться? Евгенический центр «Грядущее» уже существует и еще не лопнул, как пу-

зырь. Значит, не более одиннадцати и не менее четырех лет тому назад. Вычислить точнее вряд ли удастся...

Бросая вызов этому безнадежному «вряд ли», сон вновь окаменел. Фигуры двух людей замерли. Перестал мерцать, а там и погас сакраментальный люминофор «ЕЕЩУДЯРГ». Лючано почувствовал, как, бестелесный и счастливый, он взмывает ввысь: над сном, над кабинетом, превратившимся в крохотную сцену – нет, в ящик кукольного театра, с каким, по словам тетушки Фелиции, ходили по Борго древние невропасты. От ящика в разные стороны тянулись пучки. Их структура вызывала оторопь. Преодолевая страх, Тарталья взялся за один из пучков, разбирая на нити, и искренне удивился, когда в ящике началось движение.

Словно колесо, где пространство служило ободом, время – ступицей, а у спиц и вовсе не было названия, совершило один-два оборота.

– Прогресс на Сечене в ваших руках, граф!

Возвестив это, Адольф Штильнер вытер лоб клетчатым платком и перевел дух. Взяв кружку с чаем, он щедро набуровил туда из вазочки малинового варенья – своего излюбленного лакомства.

– А вы как думаете, голубчик? – откинувшись на подушки, спросил граф Мальцов.

– Стоит ли шиковать на благо какого-то сомнительного «социал-управления эволюцией человека»?! – спросил Лю-

чано, уже ничему не удивляясь.

Ответный удар Штильнера был беспощаден:

– Милостивый государь! Я тоже, в свою очередь, полагаю финансирование вашего «Вертепа» швырянием денег на ветер! Три года вы за счет графа ездите по деревням...

«Он просил дополнительных финансовых вложений у Мальцова! Это было... Когда же это было? Девять... нет, десять лет тому назад! Получив деньги, он напичкал „Жанетту“ автоматикой, мало надеясь на свою лицензию пилота... Далее – разговор с гематрийкой. Десять лет... я учил Никиту со Степашкой игре в „пристенки“... зимой выкупили Оксанку – девку во младенчестве украли цыгане, заставляли воровать, а она, тихоня, плакала...»

Лючано отпустил пучок. Колесо вернулось в исходное положение. Кабинет профессора. «ЕЕЩУДЯРГ» за окном. И в кресле – гематрийка Эмилия Лукинична Дидье.

– Я лечу с вами, Адольф Фридрихович, – сообщила она.

Дальнейшая сцена была безобразна. Штильнер кричал, бранился, разбил стенную тарелку с дарственной надписью «Долику от друзей в день его сорокалетия!» – короче, бушевал, как мог. Запреты рисковать собой сыпались на Эмилию градом, перемежаясь угрозами увольнения и домашнего ареста. Профессор живописал трудности и опасности предприятия. Он уже забыл, что собирался отправиться в космос собственной персоной, имея в спутниках лишь проститут-

ку-брамайни, если проститутка даст согласие, и Данилу Бобыля, если тому прикажет граф Мальцов.

Но весь пыл разбился о ледяное спокойствие госпожи Дидье.

– Я лечу с вами, – повторила она, когда профессор выдохся, охрип и замолчал. – Хотите, дайте мне пощечину. Вам сразу полегчает. Но от моего присутствия на борту «Жанетты» вам не избавиться. Во-первых, у меня есть лицензия пилота. И не ваш любительский «G-прим», а категория «Z-макро». Во-вторых, я, конечно, не проститутка, и не юная звезда подиума, но к зачатию и деторождению вполне способна. Если вы предпочтете мастурбатор, я готова стать суррогатной матерью. Надеюсь, аппаратура для искусственного осеменения на «Жанетте» имеется? В-третьих, для вашего эксперимента гематрийка ничем не хуже брамайни. Поскольку вы – техноломец, и не энергет ни в малейшей степени. Наконец, в-четвертых...

Она встала из-за стола. Зачем-то подобрала осколок тарелки, на котором сохранился фрагмент надписи «Долику от...». Лючано следил за Эмилией, не в силах понять: на кого она похожа? Складывалось впечатление, что он видел ее раньше, при других обстоятельствах – или кого-то, напоминавшего эту женщину. Твердый рот, нос чуть вздернут; волосы цвета красной меди гладко зачесаны и собраны на затылке в узел. Ну видел же, клянусь чем угодно!

Нет, память отказывала.

– А в-четвертых, – закончила Эмилия Лукинична, – одного я вас никуда не отпущу. Так и знайте. Еще восемь лет назад, на Саузе, где вы читали у нас факультатив по типологии флуктуаций, я сразу поняла: вы – гений. А гениев никуда нельзя пускать без присмотра. Пропадут ведь...

Когда профессор Штильнер молча приблизился к гематрийке и неуклюже опустился перед ней на колени, Лючано ощутил, что просыпается.

И проснулся, к великому своему сожалению.

Глава вторая

Овощевод и шоумен

I

Вчера Тарталья перестарался, затемнив стекла до полной непрозрачности. В комнате стоял крошечный мрак. Лишь светился на руке циферблат-татуировка, да тлели контроль-индикаторы разнообразной машинерии, которой был напичкан номер.

– Малый свет!

Сработало. Над кроватью зажегся ночник. Лючано выбрался из-под легкого, но теплого одеяла с прослойкой из термосейвера, и вернул окнам прозрачность. Стекла оказались самые что ни на есть современные: гидрофобный полимер с шумопоглотителем и чистящей ионизацией. Не запотеваает, не пылится, диапазон прозрачности – от нуля до 99,8%, коэффициент шумопоглощения – не менее 95%. Плюс голосовой привод...

Номер только на первый взгляд выглядел провинциальным. Интересно, скрытые камеры слежения здесь тоже имеются? Впрочем, какая разница? Если Тумидус и так в любой момент, под любым углом и во все дырки...

Вняв совету незримого маэстро Карла – выбросить легата из головы, мыслить позитивно и радоваться жизни, – он с решимостью мученика зашлепал в ванную. Комплекс «Гигиена» сиял металлическим напылением, подмигивал сенсорами и приглашал к взаимовыгодному сотрудничеству. Чем не повод для позитива?

– Естественные отправления!

Унитаз – сиденье с пакетом-утилизатором – без единого звука выдвинулся из стены. И после использования по назначению уехал обратно, распространяя аромат лаванды.

– Чистка зубов!

В губы ткнулась чистящая дентат-головка – устройство, фигурирующее в бесчисленном множестве похабных анекдотов. Завистники, не имея средств на дорогое удовольствие, норовили обхаять чудо техники. Лючано послушно открыл рот, позволив аппарату хозяйничать внутри. В течение тридцати секунд лазеры, ультразвук и ультрафиолет обрабатывали полость рта, удаляя остатки пищи и зубной камень, обеззараживая, дезодорируя, заживляя десны и восстанавливая костную ткань. Закончив труды праведные, головка, как до нее – унитаз, сгнула в недрах «Гигиены».

Выбрав тоник и ароматизатор, он отрегулировал температуру и с удовольствием подставил тело упругим струям душа.

Одну из стен кабинки занимало незапотеваящее, как и окна, зеркало. С добродушной усмешкой вспоминая удивив-

тельно реалистичный сон, приснившийся этой ночью, Тарталья мельком глянул в него – и заметил некую несообразность в своем облике. Не то чтобы у него заметно уменьшился живот, выпали остатки волос или выросла третья нога...

Татуировка!

Творение Папы Лусэро увеличилось раза в полтора, нарастив щупальца-отростки. Словно змеи вдруг решили покинуть родное кубло и освоить новые территории. Весь позитив мигом улетучился. Снизив напор воды до минимума, он придвинулся ближе к зеркалу, стараясь получше рассмотреть своевольную татуировку. Змеи не просто расползлись на все плечо, подбираясь к груди. Проступили объем, фактура, явственные чешуйки и наросты, похожие на присоски.

Чешется?

Вроде бы нет...

Лючано осторожно потрогал работу киттянского антиса. Обычная кожа, гладкая и мокрая. Ни припухлостей, ни чешуйчатой фактуры. Обратиться к врачу? Он глянул на табло, где мерцали результаты его анализов. Проверку организма «Гигиена» выполняла автоматически. Все показатели светились зеленым, в полном согласии с самочувствием. Врач наверняка сочтет клиента психом. А если выяснится, что татуировку делал антис, втирая в «колево» какой-то дурацкий порошок...

Нет, к врачу обращаться не стоит.

Выключив душ, он запустил режим сушки. Затем вышел

из ванной, оделся и, все еще пребывая в легкой прострации, отправился вниз в поисках позитива.

Столовая гладиатория пустовала. Ни коллег по несчастью, ни обслуги. «Шакконский стол» – бери, что хочешь. Тарталья взял гренки с козьим сыром, пять ломтиков бекона, салат из зеленой аммонтарской репы и кофе. Кофейный аппарат был из дорогих – разобраться в насадках и сенсорах удалось не с первого раза. Но результат превзошел все ожидания.

«Мулатка пусть удавится от зависти...»

По привычке забившись в угол, он отдал должное завтраку. Минут через десять в столовой объявились еще двое: мужчина с мятым лицом бухгалтера, у которого не сошелся годовой баланс, и женщина – жгучая брюнетка в кимоно. Гладиаторы? Персонал? Оба молча кивнули, приветствуя новенького, и принялись без энтузиазма выбирать еду. Лючано кивнул в ответ и сделал вид, что интересуется парочкой не более, чем они – им.

Допив кофе, он направился к выходу – и в дверях столкнулся с Жоржем Мондени, ланистой гладиатория. Сиречь, комендантом заведения, судя по исторической беллетристике.

– Доброе утро.

– Доброе... Борготта, кажется?

– Да.

– Я искал вас. Присядем?

Они расположились в холле, в двух глубоких креслах.

Между креслами стоял столик со старинной бронзовой пепельницей – не пластик «под бронзу», а настоящий металл. Ланиста извлек портсигар, протянул Лючано.

– Спасибо, я не курю.

Мондени пожал плечами, достал коричневую сигарилло, прикурил от зажигалки с «вехденской искрой». Ланиста был худой, узколицый, с острыми скулами, тонкими пальцами. Хотелось бы добавить: «тонкими *нервными* пальцами», но ни пальцы, ни сам Жорж нервными не выглядели. Скорее уж напротив – ланиста казался апатичным, едва ли не сонным.

– Итак, ваши обязанности. Их мало, и они не слишком обременительны. Но исполнять их вам придется неукоснительно.

Мондени выдержал паузу.

– Распорядок дня: завтрак с восьми до девяти, обед с двух до трех, ужин с семи до девяти. При желании, или если опаздываете, можете питаться в городе за свой счет. Вернее, – Жорж усмехнулся, демонстрируя превосходные зубы, – за счет хозяина. Ночевать вы обязаны в гладиатории. Вам полагается быть внутри здания не позднее полуночи. За опоздание положено наказание.

– Какое?

– Опоздаете – узнаете. Гарантирую, что вам не понравится. Лучше придерживайтесь распорядка.

– Хорошо, учту.

– У вас будет достаточно свободного времени, но на на-

значенные мероприятия вы должны являться обязательно. Я имею в виду транслят-шоу и «арену». Позже к ним добавятся творческие встречи без трансляции, публичные и индивидуальные.

Ланиста еще раз хохотнул, Идея «творческих встреч» доставила ему колоссальное удовольствие. Похоже, сегодня Жорж пребывал в чудесном настроении, несмотря на сонливость.

– Транслят-шоу? Встречи? – Лючано решил, что ослышался. – Я не артист... то есть, артист, но специфический! Я невропаст, я не из тех, кто выходит на сцену...

– Невропаст вы, Борготта, физик или ассенизатор – это неважно. Сейчас вы – семилибертус. Вы должны выступать, и вы будете выступать. Уверен, вам это придется по сердцу.

Он прищурился, оценивающе глядя на новичка – словно прикидывал, как тот будет смотреться на сцене. Во взгляде, в выражении лица ланисты помимо профессионального внимания сквозило что-то еще. Так «подшитый» алкоголик с тоской смотрит на человека, который отправляется в ресторан на дружескую попойку.

Тарталье стало неловко, и он отвернулся.

– Надо – значит, надо. Буду выступать. Хотя кого может заинтересовать моя скромная персона – ума не приложу.

«Ну, это ты, положим, загнул, – едко усмехнулся Гишер. – Прибедняешься. Добрая половина Китты с удовольствием посмотрела бы шоу с твоим участием».

«Ага, станут они мои записи продавать на Китту! Тоже мне, новый Бадди Гай выискался!»

– Заинтересует, не сомневайтесь.

– А что насчет... арены? Мне придется... э-э... Драться?

– Драться? – Жорж расхохотался и долго не мог успокоиться. – Дружище, спите спокойно! В Галактике мало мест, более безопасных, чем наша «арена». Тем паче вы вряд ли знаете, за какой конец держат оружие...

Он дождался, пока новоявленный гладиатор вздохнет с облегчением. И лишь после этого заметил:

– Однако у вас будут и другие обязанности. Идемте, я покажу.

II

В дальнем конце коридора обнаружилась дверь, ведущая вниз. Спустившись на пролет, они оказались перед следующей дверью, куда более внушительной. Два замка, кодовый и папиллярный, камера слежения...

– Ну у вас и подвалы! Прямо как в тюрьме.

– А это и есть тюрьма. Бывшая, – титанопластовая плита с покрытием из термосила ушла вбок, открывая следующий лестничный марш. – Тюрьму лет двадцать назад снесли. Сверху построили гладиаторий, а подвал остался.

– Что здесь сейчас?

– Овощехранилище.

Недоумевая все больше: за каким чертом его ведут в овощехранилище?! – Лючано топал по ступенькам вслед за ланистой. Ступеньки вывели людей в новый коридор. Под потолком на магнитных подвесках плавали шарики «теплой» плазмы. Считалось, что их свет видимого диапазона идентичен по спектру излучению «оранжевых карликов».

«Скажите на милость, – спросил издали маэстро Карл, – зачем в подвале „естественный“ свет? Чтобы томаты лучше колосились в закромах?»

По обе стороны коридора располагались камеры, забранные стальными решетками. Никаких силовых полей, сверхпрочных пластиков – старая добрая сталь.

– А вот и наши маленькие друзья. Знакомьтесь.

Жорж хитро подмигнул.

Сюрпризы Тарталья терпеть не мог. Еще больше, чем неопределенность. «Разрешите вас представить! Уважаемый Лючано, это Баклажан; уважаемый Баклажан, это Лючано. Баклажан у нас рецидивист, Борготта, как и вы, потому и сидит за решеткой. Не хотите составить ему компанию? Ха-ха, я пошутил! Решетки – это от воров. У нас, знаете ли, очень дорогие и редкие овощи, всяк норовит украсть...»

«Не паясничай, – оборвал внутренний монолог Добряк Гишер. – Загляни в одну из кутузок и выясни, что там. Или ты боишься?»

В ближайшей камере сидел человек. Здоровый, крепкий детина с взлохмаченной шевелюрой. Свежий шрам на щеке,

глаз подбит, губа расквашена. Подобный «джентльменский набор» вкупе с синей робой и штанами не оставлял сомнений: сиделец – матерый уголовник.

Такому самое место в тюрьме.

Детина не шевелился, тупо уставясь в одну точку. Оплывшее, словно подтопленный воск, лицо идиота не выражало ничего. Ни малейшего намека на мысль, на примитивное чувство. Вспомнилось лицо парня-туриста на Китте – ученик бокора, в котором застрял Лоа клиента, плясал на веранде, и в будущем еще не намечалось суда, рабства, «овощехранилища»...

Наркоман, выгоревший дотла?

Дебил от рождения?

Но кто измордовал несчастного?

– Прошу любить и жаловать: перед нами – «овощ». Один из нашей богатой коллекции. Интеллект на нуле, высшие эмоции отсутствуют. Остались простейшие рефлексy и реакция на базовые раздражители. Любая дворняга умнее этого красавца.

– Кусается? – не сдержался Лючано.

– Кто? А, вы шутите... Нет, несмотря на комплекцию, он совершенно безобиден. Как и остальные.

Жорж откровенно скучал. Чувствовалось, что знакомство новенького с «овощами» – рутина, дело обыденное и сильно надоевшее ланисте.

При ближайшем рассмотрении в камере, кроме лежанки,

обнаружились стандартный диагностер МДК-3, автоматическая посудомойка, умывальник и унитаз, скромно укрытый в дальнем углу. Если бы не решетка и голые стены, камера больше походила бы на больничную палату.

Частная психушка?

– И много у вас... «овощей»?

– Сейчас – одиннадцать.

– Зачем вы их тут держите?

– Не все сразу, Борготта. Со временем узнаете. В конце концов, кто-то должен заботиться о бедолагах? Сами они даже поесть толком не могут. Разве что, извините, опорожняться научились не себе в штаны. Да и то... Кстати, о кормлении. Сейчас время завтрака. Займитесь.

– Чем?

– Кормлением. Это одна из ваших обязанностей. Я покажу. Не бойтесь – они и мухи не обидят.

Мондени отпер камеру, спокойно зашел внутрь. Лючано, робея, следовал за ланистой. Жоржу, конечно, виднее, но мало ли что взбредет в голову здоровенному «овощу»? Ишь, ручищи!..

– Дверь можете не запирасть. Здесь автомат по выдаче пищи. Жмете кнопку – в лоток падает баночка. Сбалансированный рацион, на основе детского питания. Мы называем его «замаской». На завтрак положено две баночки. В шкафчике – миска и ложка. Содержимое – в миску. Ага, вот так. Кормить – с ложечки. Вон лежат гигиенические салфетки –

по окончании вытрете ему лицо. Ну, что же вы стоите? Удачного кормления!

Недоумевая, почему столь простую и, честно говоря, не слишком приятную работу не может выполнить обычный раб, Лючано повиновался. Должно быть, специально придумали, чтоб семилибертусу жизнь медом не казалась...

– Пора завтракать, парень! – он тронул «овоща» за плечо. Не дождавшись реакции, сунул миску с «замазкой» детине под нос. – Попробуй! Это вкусно.

«Овощ» медленно, словно боясь расплескать остаток мозгов, наклонил голову и уставился в миску. Лючано зачерпнул полную ложку розовой кашицы, поднес к губам здоровяка. Тот с послушанием пай-мальчика открыл рот.

– Молодец! Надо кушать. Давай, за папу, за маму... за дядю Тарталью...

«Овощ» не сопротивлялся. Разевал рот, когда в губы тыкалась ложка. Чмокал, плямкал, глотал. После чего процедура повторялась.

– Ну вот и все, – с облегчением вздохнул Лючано, вытирая замурзанное лицо детины салфеткой. Ложку и миску он отправил в посудомойку, которая мигом заурчала, салфетку – в унитаз, и поспешил покинуть камеру.

– Вы – прирожденный кормилец, Борготта, – без тени иронии сообщил ланиста, наблюдавший за ним. – Теперь – следующий.

– Я что, всех их кормить должен?

– Это уж как получится, – загадочно сообщил Мондени, отпирая новую камеру.

Ее обитатель оказался лыс, как колесо, безбров и безволос. Генетический дефект, или последствия облучения. Он тоже выглядел здоровяком – облысевшая горилла в рубе. Взгляд «гориллы», печально устремленный в неведомые дали, показался Лючано едва ли не осмысленным.

И напрасно.

Накормить лысого оказалось куда сложнее, нежели лохматого. Он не капризничал, не упирался – тупо держал «замазку» во рту, даже не думая ее глотать. При попытке впихнуть в него еще ложку (за папу, маму и дядю Тарталью!) лысый открывал рот, и предыдущая порция вываливалась обратно, стекая по подбородку. Лючано не сдержался, прикрикнул на «овоща». Тот неожиданно отреагировал, проглотил «замазку» и с требовательностью голодного птенца распахнул рот: еще!

С этого момента дело пошло на лад.

Лысого, кстати, тоже кто-то бил, и с большим успехом. Голый череп покрывали вспухшие, ярко-красные рубцы, а левую руку «овощ» баюкал, тесно прижав к груди. Однако и сам он в долгу не остался: Лючано обратил внимание на ссаженные костяшки пальцев. От чего образуются подобные ссадины, он знал по горькому опыту Мей-Гиле.

Мухи, значит, не обидят?

Ну-ну.

С мухами ясно, а как насчет слонов?

Запястье лысого украшала татуировка: спираль Галактики, пронзенная стрелой-звездолетом. Такая же была у боцмана с «Барракуды», сватавшегося к тетушке Фелиции.

Бывший космолетчик?

– Откуда вы их берете, если не секрет?

О происхождении побоев Тарталья благоразумно спрашивать не стал. Всякое в жизни случается. Это он, добрый синьор Борготта, салфеточкой им физиономии утирает. А какой-нибудь санитар, который «овощей» в остальное время обихаживает, чуть что не так – сразу в рожу. Или их тут для богатеньких извращенцев держат? И дают мордовать за плату – лишь бы не насмерть?

– В огороде собираем, – хмыкнул Жорж, дернув узким плечом. – Из психлечебниц привозим, из богаделен. Один – даун, другой – лоботомик, третьего в космосе «зачистило», когда фаги кораблем обедали... Попечители их выкупают. Не бойтесь, все легально.

С кормлением третьего «овоща», меднокожего атлета, похожего на звезду шоу «Мистер Мускул», проблем не возникло. Атлет схарчил бы за милую душу и десяток банок «замазки». Но положено две – значит, две.

«Роботы? Финальная стадия деградации рабов? Как сказали бы Давид с Джессикой, „коллапс векторного пространства степеней субъективной свободы“?!»

Поразмыслив, Лючано отверг подобное объяснение. Ока-

жись догадка верна, «овощи» встречались бы на каждом шагу. Похоже, Мондени не врет: бедняги утратили рассудок не по вине помпилианцев.

Четвертый сиделец был чертовски хорош собой. Смуглое лицо, казалось, высекли из камня и отполировали ветром. Картину портила ниточка слюны, свисая до ямочки на подбородке. Глаза блестели незамутненной, младенческой голубизной. На плечи падали кудри цвета слоновой кости.

«Седой? Крашенный? Ерунда, кто станет красить дебила...»

Определить расу, к которой принадлежал смуглый блондин, не представлялось возможным. Обычно сразу, шестым чувством, догадываешься: помпилианец, вехден, брамайн... Про чернокожих вудунов и говорить нечего. Варваров путают с техноложцами, но они разнятся по речи и поведению. А тут...

И не спросишь:

«Какого ты, мил-человек, роду-племени?»

Потому что ответит без единого звука:

«Овощи мы...»

Лицо блондина не выглядело оплывшим, как у первого громилы. Чтобы потек камень, из которого природа вырубил его скулы, нос и подбородок, требовалась куда большая температура, чем та, что расплавил мозг несчастного. Но глаза «овоща» пугали: даже в сравнении с братьями по «овощехранилищу» они были девственно пусты. Ни тени мысли

не мелькало в голубой пустоте – жадном, едком растворителе...

И ссадина на скуле: одна-единственная, она смущала больше, чем рубцы лысого.

На ложку красавец не реагировал.

– Ты это... ты ешь, – с фальшивой лаской дал совет Лючано. – Оно вкусное. Вот, смотри...

Демонстрируя замечательные вкусовые качества «замазки», он зачерпнул кашу пальцем и сунул себе в рот.

– Ай, вкусно! М-м...

Если бы Жорж сейчас расхохотался, Тарталья запустил бы в него миской. Но ланиста молчал, отвернувшись, и чистил ногти кончиком изящной пилочки.

– Ням-ням, вкуснота...

Кипя от раздражения, он ткнул ложкой в несговорчивый рот блондина. Тот, по-прежнему игнорируя еду, в ответ протянул руку к самому Лючано.

– Ты чего?! Ты смотри у меня!..

Нет, блондин был смирней овечки. Он всего лишь опустил ладонь на плечо Тартальи и начал гладить. Еле-еле, почти незаметно. Гомик? Извращенец? Опешив, Лючано сперва убедился, что ничего страшного не происходит – ну, один мужчина кормит другого с ложечки, а тот гладит кормильца в знак благодарности! Ерунда, пустяк... – и лишь потом опять взялся за ложку. На сей раз «овощ» безропотно открыл рот, и дело пошло на лад.

«Замазка» скоро кончилась.

Тарталья встал, чтобы уйти, но блондин придержал его за одежду. И еще с минуту гладил, пуская слюни. Наконец жертва насилия вырвалась и покинула камеру.

– Кого теперь кормим?

– Никого, спасибо, – остановил ланиста злого, возбужденного Лючано. – Контакт возник, будем закреплять. Этого «овоща» записываем на вас, Борготта. Теперь вы кормите только его. Два раза в день: утром и вечером. Помимо кормления желательно время от времени посещать «овоща». Если угодно, сидеть рядом и молчать. Он теперь ваш.

– Мой?!!

– У каждого семилибертуса есть свой подопечный. Вам повезло: он сразу пошел на контакт. Хороший, проверенный «овощ». Иной гладиатор кормит всю компанию месяц подряд, прежде чем кто-нибудь срезонирует...

– Я... я понял.

– Ничего вы не поняли. Не обижайтесь, Борготта, это вполне естественно. Сейчас вам и не нужно ничего понимать. Кроме главного: если вы не придете, ваш «овощ» останется голодным. А после второй неявки голодным останетесь еще и вы. Держите, вот ключи.

III

На лестничной площадке им встретила брюнетка, кото-

рюю Лючано видел за завтраком. Кимоно она успела сменить на другое, лилового шелка, с алыми розами.

– Привет, Жоржик. Как успехи?

– Успехи потрясают, – ланиста чмокнул даму в душистую щечку. – Знакомьтесь: Лючано Борготта – Nicolette Швармс. Nicolette у нас уже второй год семилибертит. По контракту.

– По контракту?!

– Вы не любите самостоятельных женщин? – картинно изумилась Nicolette, сложив пунцовые губы бантиком. – Очень жаль! Между прочим, еще год – и я куплю себе домик на Куэдзако. Хотите, приглашу в гости? Будем кейфовать под цветущими вишнями...

Она свысока глядела на Лючано – свысока во всех смыслах, ибо стояла на две ступеньки выше. «А как же свобода? – хотел спросить Тарталья. – Добровольно продаться в рабство...» И не спросил. В конце концов, что он, по большому счету, знает о жизни семилибертусов? Об обстоятельствах самой Nicolette?

Ничего.

Кажется, брюнетка о многом догадалась по его лицу.

– Добро пожаловать в братство лучших из худших! – рассмеялась она. Стало ясно, что Nicolette пьяна. С утра. Видно, очень уж приятна и необременительна эта служба, раз женщина надирается, едва встав на ноги.

От радости, должно быть.

– Выбрал себе цуцика? – Николетта двусмысленно играла складками кимоно.

– Выбрал, – ответил за Лючано Жорж.

– Какого?

– Четвертого.

– А-а, хороший «овощ». Сочный. А мой сварился, – доверительно наклонилась она к Тарталье. – Иду по-новой дергать. Жаль, что четвертый – твой. Он мне нравился... Жоржик, дай ключи.

– Держи.

– А как его зовут? – спохватился Лючано, когда брюнетка скрылась внизу.

– Кого?

– «Овоща». Моего.

– Никак его не зовут, – пожал плечами Мондени. – Придумайте ему кличку, если хотите. Кстати, у вас в 15:00 – транслят-шоу. В пол-третьего ждите в холле, за вами приедут.

– Шоу? Я... я не готов! Мне нужно...

– Ничего вам не нужно, Борготта, – Жорж увлек его вверх, к бронированной двери. – Поверьте мне. В студии сидят профессионалы, они все сделают. Вы, главное, отвечайте на вопросы, и дело будет в шляпе.

– Отвечать на вопросы?

– Да. И не стройте из себя девицу на выданье! Камер он боится, готовиться ему надо... Сказано – шоу, значит, становись шоуменом! Понятно?!

– Ага, – угрюмо буркнул Лючано.

Желудок от злости сводило судорогой. Проклятье! Успокоил, начальничек, настроил на нужный лад!.. взял цуцика за шкуру, ур-р-род... Он вспомнил, что «цуциком» Николетта обозвала «овоща» – и настроение от дурацкого, мерзкого сопоставления испортилось окончательно.

IV

Он хотел пойти в город, развеяться, но вместо этого вернулся в номер и завалился спать. От душевного расстройства. Проснулся без четверти два, с головой мутной, как всегда после дневного сна. Во рту – засохший цемент, череп набит мокрой ватой. И добро бы с похмелья! Хотелось придушить кого-нибудь, застрелиться самому, упасть спать до глубокой ночи и выпить пива.

Все сразу, смешать и не взбалтывать.

Ровно в половину третьего, как и было обещано, в холле гладиатория объявился патлатый юнец с носом настолько длинным, что Лючано вспомнил куклу «пиноккио». У обычных людей такие носы не растут. Наверное, имплантант – для участия в комик-шоу.

– Борготта? Я за вами. Едем на студию.

– Как передача называется? – спросил Лючано, усаживаясь в мобиль, похожий на огромный кирпич. – Мне ничего не сказали...

Пиноккио запустил двигун.

– «Жизнь замечательных людей».

– Это я-то – замечательный?!

– Каждый человек в чем-то замечателен. Главное найти, в чем, пока человек не умер, – философски заметил носатый. – А уж вы-то – и подавно! Только успевай замечать...

– Сколько времени длится ваша «Жизнь...»?

– Полтора часа, – Пиноккио рассмеялся. – А ваша?

Лючано не ответил.

Снаружи транслят-студия производила впечатление жуткой эклектики. Здание в стиле имперского классицизма: колоннада, ступени, фронтоны с барельефами – и несуразная конструктивистская надстройка на полтора этажа. Поляризованный плексанол, ажурные фермы, пучки направленных антенн выщеливают на орбите коммуникационные спутники; плятятся в зенит раструб экранированного блока гиперсвязи...

Внутри эклектика просто зашкаливала. Фойе с коврами дорожками, скрытые «лампионы» с псевдоживым огнем, микро-оранжерея кактусов с краником, торчащим из голубой агавы; охранник в форме любезничает с красоткой в сетчатом трико. Антикварный механический лифт, приняв пассажиров, устремился почему-то вниз. По выходу из лифта начался строгий коридор без излишеств, если не считать биопласта «под чешую».

Звукоизолирующие двери, люминат потолка...

Пиноккио обернулся на ходу:

– Тут раньше наше консульство было. В прошлом году съехали. А дом вещуны за бесценок выкупили...

– Вещуны?

– Ну, вещательная компания. Пришлось достраивать «купол»...

За дверью с номером XXXVIII обнаружилась уборная. Из кресла навстречу гостям взлетел фронт в роскошном сюртуке и темно-красных лосинах. Он сверкнул лучезарной улыбкой, как если бы снимался в рекламе геля для зубов, и заученным движением откинул голову назад, тряхнув взбитым чубом.

– Благодарю, Марий, вы пунктуальны. Феликс Киприан, ведущий программы. Ну-ка, повернитесь, дайте на вас посмотреть...

От фронты исходил напор кипучей, упругой энергии. Лючано невольно заулыбался в ответ и, забыв поздороваться, начал вертеться наподобие модельной дивы.

– Замечательно! Я вижу, у вас есть сценический опыт. Это ваша повседневная одежда?

«Честно ответить, что никакой другой не успел обзавестись?»

– Да.

– Отлично! Ключевое слово в названии нашего шоу – жизнь! Естественность, натуральность... Впрочем, капелька грима не повредит. Прошу в кресло!

Гостем занялся пожилой молчун-гример. В представлении Тартальи он походил на шестирукое брамайнское божество, ловко орудуя аэрозолями-распылителями, кисточкой, пуховкой, виброгребнем и тональным оптимизатором на длинной штанге с полудюжиной сочленений. Закончив, гример позволил объекту бросить взгляд на контрольный дисплей.

– Вы – виртуоз!

Облик Лючано не изменился. Но на дисплее он теперь смотрелся куда выразительней, чем в зеркале, а в зеркале – стократ выразительней, чем в жизни.

– Время-время-время! – прервал славословия ведущий. – Начинаем через пять минут. Вы не против, если я буду звать вас по имени? Отлично! А меня зовите Феликсом. Пройдемте в студию. Это здесь я балаболю без передышки, а в студии работать языком придется вам. Мое дело – вопросы, и все. Готовы?

– Да.

– Прекрасно! Только не надо этих односложных реплик: да, нет, помню, не помню... Накручивайте подробности, яркие детали. Народу это интересно...

«Чтоб ты сдох, болтун!» – мысленно выругался Лючано, когда они с Феликсом оказались в зале, полном людей. Он-то думал, что в студии они будут вдвоем. А тут – целая толпа зрителей! Трибуны амфитеатром – синий сектор, желтый и красный. Человек сто, не меньше. Все, естественно, помпи-

лианцы.

– Двухминутная готовность! Мы в курсе, как приветствовать гостя? А ну-ка: изобразили!

Амфитеатр ответил слаженной, бурной овацией. Чувствовалось, зрители имеют опыт и хорошо знают, что от них требуется.

– Мо-лод-цы!

Расположившись на подиуме, за круглым столом, вполоборота к залу, Феликс жестом пригласил Лючано сесть напротив. «Не переживай, – подмигнул он, – сделаем конфетку!» Ведущий был Тарталье симпатичен, в отличие от вредного ланисты. Да, имидж, игра, наработанные психологические приемы. Но симпатии не прикажешь! Обаятелен, хитрюга...

– Эфир!

Феликс выждал крохотную паузу.

– Здравствуйте, дорогие соотечественники! Вас приветствует «Жизнь замечательных людей», и я, Феликс Киприан. Думается, я в представлении не нуждаюсь, а посему разрешите представить вам нашего сегодняшнего гостя – Лючано Борготту, человека непростой и интересной судьбы!

Овация в зале.

Более оживленная, чем на репетиции.

– Добрый день, дамы и господа, – Лючано уловил короткий, едва заметный кивок в свой адрес, и все понял правильно. – Я рад участвовать в нынешнем ток-шоу. Главная пре-

лесть кроется в том, что я понятия не имею, о чем вам хочется услышать. Поэтому всецело полагаюсь на нашего опытного ведущего...

– И правильно делаете! – перехватил Феликс инициативу. – Вы попали в точку: наше шоу тем и интересно, что никто из его участников заранее не знает, о чем пойдет речь. Этого не знаю даже я!

Акустические резонаторы поймали и усилили смех зала.

– Да-да, вы не ослышались! Полная импровизация от начала до конца. Никаких сценариев, «темников», заранее составленных вопросов. Итак, я осведомлен, что жизнь вас не баловала. Говорят, вы даже отсидели срок в тюрьме. Это правда?

– К сожалению, да.

– Вы были виновны?

– Нет. Меня оболгали. А суд не счел нужным вникать в детали.

– Вот! Вот оно! Друзья! Многие ли из нас испытали на себе черствость судей? Многим ли довелось побывать по ту сторону тюремных стен? Уверен, что нет! И сейчас мы получили шанс услышать об этом, так сказать, из первых уст. Но современная тюрьма – не варварские застенки! Новейшие системы защиты и наблюдения исключают не только возможность побега, но также и возможность насилия одних заключенных над другими. Квалифицированная охрана, сбалансированный рацион, сухие и чистые камеры, библиотека, ново-

сти по визору... Не курорт, но вполне цивилизованное место. Я прав, Лючано?

Вспомнились островные прелести Мей-Гиле. Адская сковорода песка. Личинки «гы» под кожей. Милые рыбки боро-оборо, обгладывающие человека до костей. Толстый Ува, крики пытаемых... Хотите правды? Из первых уст?

Будет вам правда.

– Тюрьма, Феликс, всегда остается тюрьмой. Наверное, где-то и существуют такие «санатории», как вы описали. Но я сидел на Кемчуге. Под палящим солнцем, под тропическими ливнями. В компании местных каннибалов, которые спят и видят, как бы сожрать тебя на ужин.

– Позвольте! А охрана?

– Охрана с удовольствием примет участие в пиршестве. А потом сыграет с сидельцами в «чики-чики» на твои передние зубы. Из зубов выходят чудесные украшения, из зубов и фаланг пальцев. Особенно в ходу зубы людей, предварительно подвергшихся насилию. Это связано с тамошними верованиями. В связи с этим хочу вспомнить...

Он с удивлением отметил, что сгущает краски. Однако остановиться уже не мог. В горле словно повернули знакомый вентиль, поток слов захлестнул студию. Ну и ладно! Это не суд, а мы не клялись говорить правду, одну правду, и ничего, кроме правды! Шоу? – значит, шоу! Ловите сто парсеков лапши на уши!

Продолжая окучивать аудиторию, Лючано мельком ско-

сил глаз на контрольный визор камеры, направленной в зал. Его не просто слушали – внимали, раскрыв рты. У женщин в глазах блестели слезы. Мужчины сморкались и хмурили брови.

Ему сочувствовали!

– ...Да, вы прошли через настоящий ад. Мы восхищаемся вами!

– Bravo, Лючано! – в едином порыве взревел зал.

– Однако, признайтесь, ваша участь была не столь ужасной, как вы описываете. Вы отбывали наказание в режиме сотрудничества, сперва подручным тюремного экзекутора, а там – и в качестве младшего экзекутора. Наверняка вы находились в более выигрышном положении, чем большинство заключенных. Кроме того, вам вдвое скостили срок. Верно?

«Согласиться с тем, что жизнь младшего экзекутора в Мей-Гиле не такой уж кромешный мрак и ужас? Что в тюремном периоде бытия Лючано Борготты кто-то способен найти искорку света. Отдушину, подарок судьбы?»

Никогда!

– И снова вынужден спорить с вами, дорогой Феликс!

Лючано вцепился обеими руками в воротник рубашки. Он задыхался. Казалось, невидимый ошейник душит его.

– Вы знаете, что это такое: причинять боль? Не по собственному желанию, не получая извращенного удовольствия от чужих мук, а по долгу службы? Оплачивая послабления и льготы? Лучше бы пытали меня самого! Полный срок в ко-

лонии стандарт-режима – праздник в сравнении...

Он увлекся, возводя правду в квадрат и в куб. Он делился с публикой наболевшим, выстраданным, черным осадком на дне сердца. Он давно забыл, что находится в студии, что перед ним – специально подобранная аудитория, а напротив – профессионал-ведущий. Тарталья изливал душу, добираясь до мрачайших ее закоулков.

Спрятанные в шкафу скелеты выволакивались на свет.

– А теперь – вопросы из зала. Да, прошу вас!

– Скажите, изменилась ли ваша жизнь после освобождения?

– О-о, вы затронули болезную тему, леди! Любимое искусство, дело, которому я посвятил свои лучшие годы, оказалось запретным для меня! Навсегда! Экзекутирование не прошло даром – пытая других, я искалечил себя...

Полтора часа пролетели вихрем. Он разливался траурным соловьем на собственной могиле, пел вдохновенный реквием загубленным мечтам – и опомнился лишь в объятиях ведущего. Феликс сердечно благодарил его за прекрасное и познавательное выступление, ясно давая понять: шоу закончилось. Зрители были не прочь продолжить разговор, но ведущий увлек гостя из студии, легко оторвавшись от возбужденной толпы.

Вскоре они оказались в знакомой уборной.

На сей раз гример не стал прибегать к особым ухищрениям. Миг, и лишняя выразительность оставила лицо Тарта-

льи. В волосах насмешливо потрескивали статические ряды.

– Отличное шоу! Надеюсь, вы у нас не в последний раз?

– Пригласите – приду.

Лючано с вымученной улыбкой развел руками. В голове шумело, по телу разливалась приятная усталость. Он чувствовал покой и опустошение, как после ответственной, хорошо выполненной работы.

«Работы? – с сомнением уточнил маэстро Карл. – Скорее после бурной попойки...»

– Марий вас проводит. Кстати, в холле вас ожидают. Дама.

Феликс подмигнул с хитрецей прожженного ловеласа.

– Дама? – вяло удивился Лючано.

V

– Любите дичь? Рекомендую: свистельга в меду, с каперсами и овощной запеканкой. Фирменное блюдо шеф-повара. Трех человек повесили на заднем дворе за попытку вынюхать рецепт. К птице закажем бутылочку розового «Алонсо», со льда. Или возьмем молодое «Бренжу»?

– Всецело полагаюсь на ваш вкус, Юлия.

– Ценю мужчин, которые не корчат из себя знатоков всего на свете. Редкий вид, вымирающий. Пожалуй, остановимся на «Алонсо». Молодое вино слишком быстро бьет в голову. Ну а я, дабы не нарушать гармонию, возьму грудку камышо-

вой цесарки...

Лючано кивал, очарован и потрясен.

Дамой, ждавшей его в холле студии, оказалась Юлия. Стерва-Юлия, пиратка-Юлия, ледышка-Юлия, сама роскошь и обаяние. Жгучая брюнетка, как и Nicolette Швармс, в отличии от пьяненькой и вульгарной гладиаторши она сделала бы честь любому дамскому журналу, снявшись для обложки. Ошалев от неожиданности, Лючано не заметил, как оказался внутри легкой серебристой капли аэромоба, рядом с помпилианкой, на заднем сиденьи. Управлял машиной не раб, а свободный, тоже помпилианец. Пять минут болтовни о пустяках – и вот они уже воркуют на террасе уютного ресторанчика, название которого мигом выветрилось из головы.

«Осторожней, дружок, – предупредил еле слышный Гишер. – Бабы, они...»

– Я польщен вашим вниманием, Юлия. Но не склонен заблуждаться насчет своей скромной персоны. Способен ли я всерьез увлечь вас? – нет, и еще раз нет. Я теряюсь в догадках. Статус семилибертуса является чем-то особенным? Притягательным? Возбуждающим?

Юлия залилась смехом.

– Если бы вы знали, насколько близки к истине! Семилибертусы действительно притягивают нас, уроженцев Помпилии. Я бы сказала, что дело доходит до патологии. Тем не менее, не надейтесь – я разыскала вас по другой причине.

– Мы настолько притягательны, – не удержался Лючано, –

что стоит мне зайти в кафе, как вокруг завязывается драка?!

Он вспомнил ужин в «Requies cugatum», и с опаской огляделся:

«Не намечается ли побоище и здесь?»

– Даже так? – брови Юлии взлетели на лоб. – Расскажите, умоляю!

– Курьезная история! Сижу вчера, кушаю салат «Цезарь», никого не трогаю. У стойки ваш декурион пиво с «Егерской» хлещет. На меня уставился, словно я ему кучу денег должен. А нотариусы хохочут: «Братца встретил, десятинщик?» Он озверел, и давай их полоскать...

– Вы в курсе, – внезапно перебила его Юлия, – как строится механизм подчинения в помпилианской армии?

– Ну... Как везде, должно быть. Генералы, офицеры, солдаты...

– Это *система*. А я говорила о *механизме* подчинения. Он строится не просто на званиях, уставах и приказах. Он строится на наших расовых особенностях. Подписывая контракт на воинскую службу, солдат или офицер отказывается от толики личной свободы. Становится частичным рабом своего командира. Фактически – семилибертусом. Добровольно. Это не совсем адекватно вашему статусу: вы – инорасец, с другой физиологией... Но близко, очень близко.

В ушах женщины колыхались бриллианты. Серьги на длинных цепочках из белого золота. Их блеск завораживал. Негипнабелен, как невропаст, Тарталья хотел и не мог ото-

рвать взгляд от украшений. Розовые, изящные мочки ушей. Колючие звезды странной огранки. Витые цепочки с почти неразличимыми звеньями.

Цепочки.

Цепи.

Ошейники.

– Младшие чины теряют, как правило, до десяти процентов свободы. Отсюда и оскорбительное прозвище: «десятинщики». Офицеры – от семи до трех, в зависимости от звания. Это обеспечивает куда лучшее взаимодействие подразделений на всех уровнях, чем при обычном подчинении. Но больно бьет по самолюбию и гордости наших граждан. Правительство платит военным очень высокое жалованье. Выйдя в отставку, они получают ряд льгот и привилегий. Империя вынуждена компенсировать унижение, которому военнослужащий подвергается, жертвуя частью личной свободы. Вы слабо представляете, что значит для помпилианца – уподобиться рабу. Даже в ничтожной степени.

«Проклятье! Гай Октавиан Тумидус, надменный гард-легат, кавалер ордена Цепи и малый триумфатор! Когда мы торговались с ним на Китте, он... он уже!.. клянусь черной дырой! – я, свободный, вел переговоры с частичным рабом...»

Мир рушился в тартарары.

Представить, что легат Тумидус, оформляя заказ на услуги невропаста, был несвободен, означало сойти с ума. На

пять, на три процента, на дамский ноготь! – добровольно, подчиняясь армейскому контракту...

«А ведь ты освободил его, малыш», – сказал маэстро Карл.

«Я?!»

«Ты. Из-за кого он был вынужден уйти в отставку?»

– В ситуации, описанной вами, даже трезвый помпилианец утратит контроль. Могу вас успокоить: вам лично ничего не угрожало. Декурион бы вас и пальцем не тронул.

– Он и не тронул...

Принесли заказ. Сразу стало ясно, почему Юлия не заказала салатов, закусок или десертов. Порции здесь были поварварски огромны. Дичь с золотистой корочкой смотрелась восхитительно; тонкий аромат будоражил ноздри и возбуждал аппетит.

– О-о-о! – не слишком внятно выразился Лючано, пробуя кусочек птицы.

Помпилианка улыбнулась в ответ: мол, я зря не порекомендую!

– Юлия, вы – добрая фея! Я уже влюбился в местную кухню. Можно сказать, «с первого укуса».

– Только в кухню?

– Смеет ли скромный семилибертус говорить о большем?

– Скромному семилибертусу у нас позволено очень многое. Как балованному ребенку, любимцу семьи, тирану и капризуле. Свободный человек за такие шутки давно получил

бы вызов на дуэль.

– Дуэль! Дуэль Гая с Титом! Гай настаивал на армейском механизме подчинения. Тит с наемниками были против, считая это унижительным. Теперь я знаю: почему.

В пяти метрах от их столика, плавая в круглом аквариуме, жирные рыбы разевали рты. Плямкали скользкими губами, комментируя чужой разговор. На самом деле эти карпы и лини, разумеется, ждали выбора клиентов ресторана, а после – гибели на раскаленной сковороде. Но казалось: в аквариуме собрался ученый совет, решая вопросы жизни и смерти.

– В итоге действия по сбору «ботвы» оказались плохо согласованы. Экспедиция понесла потери. Плюс ранение, необходимость спасти меня, своего раба...

– Вы быстро схватываете. Но вам дуэль не грозит. Пользуйтесь: кроме Гая, на вас фактически нет никакой управы. Если, конечно, вы не рискнете грубо нарушить закон.

– Например?

– Ограбите кого-нибудь. Изнасилуете. Убьете, – в голосе помпилианки самый внимательный слушатель не уловил бы и тени иронии. – Впрочем, насколько я вас знаю, вы на это не пойдете.

– И насколько же вы меня знаете?

Он подлил вина в бокал дамы, опередив движение Юлии. Семилибертусу позволено многое, но хороших манер еще никто не отменял.

«Она вскружила тебе голову, малыш. Будь начеку!»

– В достаточной степени, Борготта. – Юлия изящно вытерла рот салфеткой. – Думаете, к чему весь этот ужин? Я покупаю вас. Подкупаю, если угодно. Я курирую ряд лабораторий, где проводятся исследования аномальных возможностей психики и физиологии. В связи с этим...

– Спасибо за откровенность, фея. Ценю. Вам понадобилась лабораторная крыса? И вы готовы накормить крысу дичью, напоить вином...

Он вовремя остановился.

Не хватало еще хамить, пользуясь безнаказанностью статуса!

– Крыс мне хватает, – дама ни капельки не обиделась. – Мне не хватает опыта общения с артистами. Надо было сперва польстить вам, воспеть хвалу вашему могучему таланту... Потом расплакаться у вас на плече. Сказать, что без Лючано Борготты мир рухнет, а мои лаборатории разорятся. И вы прибежали бы ко мне сами – пешком через всю Галактику. Или я взяла бы вас у Гая в аренду. Дать обязательство, что вам не будет причинен вред – и Гай с радостью избавится от обузы. Верите?

– Верю.

Юлия говорила правду. Желай она любой ценой заполучить «крысу» для опытов – уже бы заполучила. Помпилианцы – мастера находить лазейки в законах.

– Я заинтересована в добровольном сотрудничестве. Мне нужны помощники, а не их тела в виде расходного матери-

ала. Я предлагаю вам контракт. В театре вы за всю жизнь столько не заработаете. Тем более, что и театр-то не ваш, а графа Мальцова.

– Контракт? «Десятинщиком»?

– Нет. Обычный контракт. Без ограничения свободы.

Впрочем, любой контракт ограничивает свободу подписавшего. Не так ли?

– Но я... Я – собственность Гая!

– Об этом мы поговорим в другой раз. Есть варианты. Ну что, сумела я вас заинтересовать?

– Сумели, – честно признался Лючано.

– Тогда завтра жду вас в гости. Вот адрес – я сняла дом неподалеку. Имейте в виду, вас ожидает приятный сюрприз!

И Юлия лукаво подмигнула.

Контрапункт Лючано Борготта по прозвищу Тарталья (около десяти лет тому назад)

У каждого – своя картина мира.

Она складывается из тысячи мелочей, миллиона пустяков, пригоршни действительно важных деталей и кучи хлама, заслуживающего помойки, да все как-то руки не доходят. Мы пишем эту картину, добавляя мазок здесь, мазок – там; мы строим обжитую, уютную Вселенную, и счастливы, когда кто-то снаружи подтверждает ее правильность, значимость и полезность.

Если же внешнее возмущение – слово, факт, поступок – не вписывается в границы, очерченные резной рамой, мы готовы воевать с агрессором до победного конца. Упрямые сидельцы, мы скорее до смерти забьем освободителя, чем покинем камеру, где провели столько счастливых лет.

Воздух свободы для нас мучителен.

- Захват!
- Есть захват!
- Напряженность стасис-поля?
- В норме!

– Уровень барьера Шарковского?

– Девяносто семь процентов!

– Эмилия Лукинична! Сколько у нас времени?

– Если верить показаниям приборов, около трех часов.

Дрейф «амебы» продолжается, барьер дольше не выдержит...

– Автопилот?

– Два часа гарантирую. Дальше – как повезет.

– Значит...

– Хватит тянуть время, Адольф Фридрихович. Вы наверняка почувствуете то же, что и я.

– Вы правы. Вон, в углу рубки – чертик. Зелененький...

– Контакт с «амебой» чреват галлюцинациями. Вы это знаете лучше меня.

– Знаю. Лучше зеленый чертик, чем «слиона» голодного фага.

– Идемте в каюту?

– Да, пожалуй...

«Жанетта» висела в черноте космоса. Холодные искры бродили по поверхности челнока, бросая вызов далеким звездам. Сам челнок медленно дрейфовал в сторону Малой Колесницы – вместе с флуктуацией, в центре которой он угнездился. Человеческий взгляд, не вооруженный мудрой техникой, вряд ли сумел бы определить – где заканчивается привычный континуум и начинается «амеба». Но этого и не требовалось: приборы, прежде чем начать врать, дали всю

необходимую информацию в полном объеме.

Космобиологи Штильнер знал, что цель достигнута.

– В детстве, Эмилия Лукинична, я увлекался коллекционированием бабочек. Сейчас, конечно, в это трудно поверить. Однажды я добыл прелестного махаона...

– Махаона?

– Ну да! Отряд Лепидоптера, если вы не в курсе. У них чудные крылышки: ярко-желтые, а кайма – черная, с «желточными» лунками. На внешней краешке задних крыльев...

– Не надо, профессор. Я понимаю, что вы смущены. И готовы три часа подряд нести любую ахинею, лишь бы оттянуть начало эксперимента. Я, кстати, смущена не меньше вашего.

– Трудно поверить. На вас смущение никак не сказывается. Я бы даже сказал, что вы – воплощенное хладнокровие.

– Это потому что вы не гематр. И вообще не слишком наблюдательный человек. Закройте дверь каюты.

– Зачем? На челноке нет никого, кроме нас с вами.

– А я говорю: закройте. В конце концов, что вам – не все равно?

– Вот, закрыл...

По гематрийке и впрямь трудно было определить: смущена она, или абсолютно равнодушна к предстоящей близости. Руки ее, растегивая пуговицы блузки, не дрожали. Дыхание оставалось ровным. Бледность щек не спешила смениться нервным румянцем. Зато Штильнер, красный как рак, забился в угол каюты и, закусив губу, смотрел на госпожу Дидье.

Складывалось впечатление, что он чувствует себя жертвой предстоящего насилия.

Поведение космобестиолога могло быть обусловлено галлюцинациями – структура «амебы» пронизывала челнок, исподволь влияя на психику. Зеленый чертик в рубке – пустяк. Под влиянием прото-флуктуации, в остальном – безобидной, если не злоупотреблять, кое-кто видел родную бабушку, отплясывавшую стрип-румбу на груди лакированных черепов.

«Бог в помощь», – сказал Лючано, когда гематрийка сняла блузку, оставшись в черном лифчике с кружевами, и взялась за «молнию» на боку юбки. Разумеется, его никто не услышал. Чувствуя себя извращенцем-вуайеристом, подростком, который застал в спальне целующихся родителей, он взмыл вверх и растекся над волшебным ящиком сна, где был космос, «амеба», «Жанетта» и двое не слишком молодых людей, смущенных и растерянных.

Он ни капельки не жалел о потраченном времени. С начала сновидения, пока челнок рыскал в глубинах космоса, ища подходящую для эксперимента флуктуацию, Лючано наслаждался этими поисками, словно изысканным зрелищем. Раскинув сотни рук, похожих на тонкие ветви с пятипалыми листьями, он держал пучки, идущие от ящика, управляя нитями по своему разумению. Время и пространство делались послушны, как раньше – вербализация и моторика куклы. Не в силах изменить происходящего кардинально, не в силах

даже выбрать содержание грезы (опять профессор Штильнер с госпожой Дидье, как по заказу!), он корректировал, расставлял акценты, уточнял нюансы – добавлял горсть пряностей в кипящее на огне блюдо.

А блюдо благодарно насыщалось ароматом и оттенками вкуса.

– Эмилия Лукинична... Вы гарантируете зачатие?

– Да. Я приняла «Компанекс-форте».

– Когда?

– Сразу после установления барьера Шарковского. Кроме этого, я седьмой день прохожу курс ультра-прогестерона. И капсулы «Утрежан» вагинально, по одной капсуле утром и на ночь.

– Голубушка! Ну зачем вы так?..

– Как?

– Я не знаю... Деловито, что ли?!

– Вы спросили, я ответила.

– Эмилия...

Профессор наконец рискнул выбраться из спасительного угла. Неловкий, жадный, раздеваясь на ходу, он ринулся на гематрийку, как если бы она была единственной женщиной в Галактике. Это выглядело скорее трогательно, нежели возбуждающе. Чувствовалось, что Штильнер не слишком опытен, что у него давно никого не было – наука заменила космобиологию все, вытеснив личную жизнь. Он пытался целовать большую, слегка обвисшую грудь спутницы, одновре-

менно растегивая брюки; не удержавшись на ногах, рухнул на койку, увлекая Эмилию, подминая, наваливаясь сверху, должно быть, причиняя боль...

Женщина не издала ни звука.

Она позволяла делать с собой что угодно. Расчетом гематра, женским чутьем, любовью, жалостью, чем угодно, лишь бы это давало результат, она понимала: главное – не мешать. Иначе Штильнер замкнется, закроется, пропитается стыдом, как губка – влагой. И эксперимент закончится крахом.

– Эмилия...

– Да...

– Я...

– Молчите. Не надо ничего говорить...

Лючано хотел бы отвернуться, но сон оказался беспощаден. Не в силах отвести взгляда от двух людей на койке, он заставил себя воспринимать происходящее, как картину безумного художника. Это было легко: достаточно потянуть за особые нити одного из пучков, и все смещалось в сюрреалистическую плоскость.

Как на галере, когда Тарталье чудился соленый ветер и чайки над волнами.

Он заметил это еще в самом начале сна. «Жанетта» блуждала в космосе, изредка заходя в ближайшие порты – пополнить запасы воды и продовольствия. Но если взглянуть под непривычным углом, играя пучками, словно кучер – вожжами...

Фаэтон, такой же, как у графа Мальцова, катил по ухаби-стым дорогам, время от времени останавливаясь у тракти-ров: людям в фаэтоне требовались еда и питье. На заднем сиденье, часто сверяясь с бумажной, истрепанной картой, расположился профессор Штильнер – в плаще с пелериной, в старомодной шляпе, с тростью, поставленной рядом. На козлах, вооружась кнутом, погоняла лошадей Эмилия Луки-нична, одетая по-мужски. По обочинам тянулись поля, где рядами шли косари, или жницы с серпами. На холмах красо-вались березовые рощи; иногда – могучие дубравы. Случа-лось, дорога спускалась к морю, серпантинном петляя вокруг скал: серых, местами – пятнистых, поросших лишайником и корявым можжевельником, густо усыпанных птичьими гнез-дами.

Вдали белели паруса кораблей, уходя за горизонт.

Изредка корабль, или встречная карета, или просто всад-ник на гнедом жеребце резко ускорялись, исчезая из поля зрения. На том месте, где они только что были, оставался зыбкий, радужный тюльпан, сотканный из дрожащего возду-ха. Похожий тюльпан, но лаково-черный, оставался за кор-мой звездолета, совершившего РПТ-маневр. Несмотря на разницу в цвете, радужный тюльпан дышал не меньшей чуж-достью окружающему миру, чем его черный собрат.

Смыкая лепестки, цветок мало-помалу исчезал.

Там, где он цвел, начинали твориться чудеса – непонят-ные и неприятные. Серебристые змейки волной уползали

с дороги, прячась в кустах. В скалах появлялись россыпи дыр, похожих на ласточкины гнезда, где что-то шевелилось и вздыхало. Из морских волн поднималось гладкое, скользкое тело – вскинув щупальца, оно без плеска вновь уходило на глубину. А в полях, побуждая косарей и жниц к бегству, прорастали шевелящиеся, жадные колосья с острыми, будто иглы, верхушками.

Тайная струна внутри Лючано отзывалась трепетным звуком, внемля изменениям. Хотелось нырнуть в пенную воду, вслед за лоснящимся гигантом, рухнуть в объятия голодной нивы, погнаться за змейками. Приходилось сдерживать себя и крепче держать пучки, ведущие к ящику с космосом и «Жанеттой» – к ящику, где сон оставался правильным и естественным, насколько правильным может быть сон, не скатываясь к галлюцинациям.

– Эмилия!..

– Молчите...

Пальцы женщины на миг, короткий и безумный, сжались. Ногти прочертили по спине профессора красные полосы. Долгие стоны, вздохи и прочие изъявления страсти не произвели бы на постороннего зрителя такое острое впечатление, как эта мгновенная, будто выстрел, преодолевшая эволюционный барьер с азартом прыгуна, идущего на рекорд, вспышка чувства у сдержанной гематрийки.

Лючано вздрогнул.

Возбуждение передалось ему.

А вокруг, с изнанки космоса, где плавал челнок, по ту сторону «амебы», которая пропитала «Жанетту» насквозь и замерла, не в силах прорвать отсекающее стасис-поле, дышала летним зноем поляна в лесу. Двое людей катались в траве, в цветущих маках – алых, багровых, кровавых, пурпурных, трава прорастала в людях, сплетаясь с буйством плоти, маки цвели в любовниках, проникая в сокровенную глубину тел – стеблями, лепестками, ароматом; толстые шмели ныряли в уши и ноздри, сердца и легкие, желая заполучить каплю нектара, а двое ничего не замечали, принимая чудо, как должное, впитывая, делясь и создавая...

Такая уж это была поляна.

Флуктуация континуума класса 0А-9+ согласно реестру Шмеера-Полански.

– Молчите!..

Не в силах оставаться наблюдателем, Лючано натянул пучки до хрустального звона. В ящике все понеслось вскачь, вздрызг и вразнос. Барьер Шарковского сперва ослабел, а там и рухнул, дрейф «амебы» в сторону Малой Колесницы ускорился. «Жанетта» вышла из зоны влияния флуктуации и понеслась не пойми куда. Сообразив, что ситуация выходит из-под контроля, Лючано не стал размышлять: откуда вообще возьмется контроль над сном? – а кинулся работать с зыбкой материей.

Пятипалые листья-ладошки вцепились в нити, корректируя происходящее.

«Что дальше? – без слов спрашивал он, играя на удивительной арфе, укрощая мелодию и восстанавливая ритм. – Дальше-то что, а? Нет уж, дорогие мои, вы не исчезайте, раз начали...»

– Хорошо, – сказала женщина, словно отвечая ему. – Я жду.

Поляна исчезла. Сгинул космос, как не бывало. Эмилия Лукинична сидела в кабинке дальней связи, ожидая вызова абонента. Она была на седьмом месяце беременности. За точность срока Лючано не ручался, но живот госпожи Дидье выпирал более чем заметно. Достав из сумочки упаковку «Спайрминта», женщина бросила одну капсулу в рот.

Будущую мать донимал токсикоз.

– Есть связь! – мелодичным сопрано доложила информателла.

Декоративная арка в дальней стене кабинки замерцала. Минута, и мерцание угасло, открывая «доступ». По ту сторону арки, в кресле, за столиком, плетеным из тростника, сидел пожилой гематр в деловом костюме от Карди. Его лицо ничего не выражало: ни интереса, ни раздражения, ни даже равнодушия. Диагноз можно было поставить без врача: атрофия мимических мышц, вечная проблема гематров в возрасте.

Госпожу Дидье ждало то же самое лет через двадцать.

– Здравствуй, папа, – сказала Эмилия.

– Я рад тебя видеть, Эми, – ответил банкир Лука Шармаль.

«Так вот кого она мне напоминала! – тихо расхохотался Лючано. – Ну конечно же! Эмилия Лукинична, дочь Луки! Стоп, стоп! А почему она не Эмилия Шармаль, а госпожа Дидье? Фамилия мужа? Странная для гематра фамилия: Дидье... И муж странный. Жена мотается с профессором Штильнером по Галактике с целью, понимаешь, экспериментального зачатия, а он и в ус не дует!»

– Я лечу на Китту, папа. Мы скоро увидимся.

– Ты собираешься лечь на сохранение?

– Да. Надеюсь, Нзинга Д'онго не откажет мне в отдельной палате. И малой толике своего драгоценного внимания.

– Нзинга – наш семейный врач. Она помнит тебя ребенком. И тебя, и Айзека. Она не откажет никому из Шармалей. Ты это знаешь не хуже меня.

– Я пошутила, папа. Разумеется, тетушка Нзинга с радостью примет у меня роды.

Банкир встал, пригладив седые, коротко подстриженные волосы. Пройдясь по кабинету, он остановился у зеркала, вполоборота к молчащей дочери. Глядя на собственное отражение, скорчил гримасу: смех. Затем еще одну: плач.

Злость.

Радость.

Печаль.

Лука Шармаль был человеком ответственным. Если доктор прописал комплекс упражнений для восстановления мионики, он выполнял предписания при каждом удобном слу-

чае. Главное, соблюсти приличия. Чтобы за тобой не следил никто из посторонних.

Старшая дочь – не в счет.

– Я понимаю, почему ты тянула до последнего. Нзинга потребовала бы от тебя прервать беременность. А сейчас – поздно.

– Поздно, – эхом откликнулась Эмилия. – Я намерена рожать.

– У тебя артериальная гипертензия. Во время первой беременности, насколько я помню, произошло отслоение плаценты, и ребенок погиб. Впрочем, гипертензия – пустяки. Впридачу у тебя целый букет...

– Я знаю, папа. Можешь не перечислять.

– И ты все равно будешь рожать.

– И я все равно буду рожать. Нзинга – волшебница.

– Эта волшебница предупреждала тебя. Помнишь?

– Да. После ее предупреждения Морис подал на развод. Он очень хотел иметь детей.

Гематр в зеркале изобразил брезгливость. Получилось скверно – неубедительно и фальшиво. Он попробовал еще раз.

– Ты никогда меня не слушалась. Я договорился с ректором Хаддского экономического университета – ты поступила в Кринн и стала генетиком. Мы с мамой нашли понимание в семье Зандерхаров – ты отказала их мальчику, выйдя замуж за Мориса Дидье, неудачника и пустозвона. Я

бы простил ему бесталанность, нищету, пустое фанфаронство... Будь он *наш*, я еще смог бы понять. Но техноложец...

Банкир изобразил сложное чувство. Трудно сказать, какое именно, но получилось замечательно. Лючано даже зааплодировал.

– После развода мы готовы были принять тебя дома, найти достойную работу. Нет, ты увлеклась курьезными прожектами, о каких стыдно говорить в приличном обществе. И вот теперь...

Он повернулся к зеркалу спиной, устав гримасничать. На лацкане пиджака ярко блеснул золотой значок: спираль со звездой наверху. Спираль покрывала сложная гравировка: буквы и цифры. Если это была гематрица, она никак себя не проявляла.

– Ты вышла замуж, Эми?

– Нет, папа.

– Ты не меняешься. Капризы, причуды. Отец ребенка – *наш*?

– Да, – без колебаний ответила Эмилия.

– Не верю. В глупостях ты отличаешься завидным постоянством. Зная, что твой отец – человек с идеалами, один из лидеров движения «За чистоту»... Иногда мне кажется, что ты меня ненавидишь.

– Я люблю тебя, папа. Тебя и Айзека.

– Ты забыла добавить: и маму.

– Мама умерла. Ты это отлично знаешь.

– Знаю. Ответь еще раз: отец ребенка – *наш*?

– Да.

– Если роды пройдут успешно, это будет легко проверить.

– Разумеется. Ты увидишь внука, и поймешь, что я говорю правду. Уверена, ребенок родится похожим на тебя.

Она была гематрийка. Беременная гематрийка. Средних лет. Без косметики. С пигментными пятнами на лице. С большим, некрасивым животом. Страдающая токсикозом. Кроме этого, она лгала. Лючано, как никто другой, знал: она лжет. И тем не менее, если бы его на суде под присягой заставили отвечать на вопрос: «Красива ли эта женщина?» – он без колебаний ответил бы:

«Да. Очень красива».

Декорации в ящике внезапно изменились. Кабинка дальней связи превратилась в отдельную каюту звездолета – комфортабельного лайнера типа «Садху». Эмилия сидела на койке, держа в руках гигиенический пакет: ее тошнило.

– ...можете наблюдать живописный пояс астероидов, расположенный между Н'голой и Амбвенде, седьмой и восьмой планетами системы. Наш лайнер входит в систему под углом к плоскости эклиптики...

Пакет упал в утилизатор. Бледная, утомленная женщина легла, стараясь поудобнее устроить живот. С изнанки происходящего еле-еле брезжила поляна с цветущими маками. Лючано полагал, что это – его личные домыслы.

Сон есть сон.

– ...пока перед нами разворачивается захватывающее зрелище, позвольте кратко ознакомить вас с историей и основными особенностями планеты Китта. Четвертая от центрального светила...

И почти сразу, едва не вырвав пучки из сотен ладошек:

– Мар Шармаль? Это я, Нзинга.

– Я слушаю вас.

– Примите мои соболезнования. Ваша дочь умерла родами. Мы сделали все возможное, но к сожалению...

– Эми называла вас волшебницей, Нзинга.

– Эми ошиблась. Я не волшебница.

Тишина.

Сон уплывал, умирал, растворялся в небытии.

– А ребенок?

– Двойня. Мальчик и девочка. Оба живы.

Тишина.

– Дети – гематры?

– Безусловно.

– Вы уверены?

– Раньше, мар Шармаль, вы не сомневались в моих профессиональных способностях.

– Я и сейчас не сомневаюсь. Ждите, я скоро приеду.

Тишина поглотила все, кроме поляны, где цвели маки.

Вскоре исчезли и они.

Глава третья

День сюрпризов

I

– Ну и что мне с тобой делать?

Вопрос был риторическим. Ответа Лючано не ждал.

Безропотно поужинав вчера, сегодня «овощ» игнорировал завтрак. Сидел, глядел, как обычно, мимо, гладил кормильца по плечу. И не реагировал, когда в губы ему тыкалась ложка с «замазкой». Ни уговоры («Надо кушать! Иначе сдохнешь, дебил. Давай, за маму-папу...»), ни личный пример эффекта не давали.

Лючано даже рявкнул на подопечного, помня, как окрик подействовал на лысого.

Никакого результата.

«Не нравишься ты мне, малыш, – сообщил маэстро Карл. – Злым становишься».

«Прозвище обязывает!» – огрызнулся Тарталья.

«Злым и мелочным. Не злодеем – злодейчиком. Брюзгой. Такие плюют в чужие кастрюли и пинают кошек, пока никто не видит. Ну а ты орешь на убогого...»

«Надавай ему лучше тумачков, – поддержал маэстро Доб-

ряк Гишер. – Помнишь, как я тебя учил? – чтоб следов не осталось... Хочешь на ком-то злость сорвать – сходи к ланисте, обложи его по матушке. Или к Тумидусу. Дорожку указать?»

Лючано не нашелся, что ответить. В припадке самоуничижения, которое психолог назвал бы «гиперкомпенсаторной реакцией», он вдруг принялся жаловаться «овощу» на свои проблемы – словно оправдываясь, как дошел до жизни такой.

– Извини, что наорал, приятель. День с утра не заладился. Понимаешь? Ничерта ты не понимаешь, огурец... Вот ты меня по плечу гладишь – а знаешь, что там, под рубашкой? Татуировка там. И не простая, а самостоятельная. Расти ей, заразе, вздумалось. Тебе бы понравилось, если б по тебе всякая пакость ползала?

«Ему бы понравилось, – заметил издалека Гишер. – Обратил внимание, какое плечо он тебе гладит?»

А ведь верно! Что-то чует, собака...

– Ты гладь, я не против. Она ведь не от этого растет. А ланиста предупредил, что у меня сегодня – арена. Вот и думай, чего ждать. Ты-то думать не умеешь, тебе хорошо! А мне...

Его несло, как вчера на шоу.

– Еще и сны эти! Шастаю, понимаешь, в прошлое. Мироздание, будто куклу, за ниточки дергаю. Ближе, дальше, быстрее, медленнее, вперед, назад... Страшно мне, приятель. Оно, выходит, сидит внутри. Дышит. Помогает, суетит-

ся – а мне страшно...

«Тебе в самом деле страшно, малыш?»

«Издеваетесь, маэстро?»

Лючано прислушался к себе. И с удивлением понял, что на самом деле ему ни капельки не страшно. Более того, интересно. Даже мысль, что за новоприобретенное «ясновиденье» однажды придется расплачиваться, не слишком беспокоит.

«Мечтал стать супером, дружок? Радуйся, вот оно..»

Секундой позже губы овоща разжались. Блондин проглотил ложку «замазки» и, словно птенец, раскрыл рот в ожидании следующей. На третьей или четвертой ложке до Лючано дошло, что он, оказывается, крепко держит «овощной» пучок моторика – корректируя двигательные рефлексy, побуждая вовремя открывать рот, жевать и глотать.

Детская работа для опытного невропаста.

«Но я же не спрашивал у него разрешения!»

«Вспомни йонарей. От них тоже не требовалось согласия».

Ну да, мог бы и сам догадаться. У «овощей» не психика – руины. Защита отсутствует, пучки обнажены – бери не хочу. Можно, при должной сноровке, заставить клиента плясать джигу или маршировать строевым шагом. Только кому оно надо?

Впрочем...

А почему бы ему сегодня не позавтракать самому?

Поудобнее взявшись за пучок, Тарталья вручил блондину миску с «замазкой» и ложку.

– Давай-ка, приятель. Взрослый парень, пора кушать без няньки...

Он увещевал блондина, будто малыша-несмышленища. Необходимости в этом не было – Лючано вел «овоща» не словами, а колебаниями нитей, как марионетку, послушную движениям невропаста в меру собственной инерции.

«Надо бы дать парню имя, – думал он, выскребая ложкой, зажатой в чужих пальцах, остатки еды со дна миски. – Как его назвать-то?»

Ничего подходящего на ум не приходило. Арлекин? Бригелло? Пульчинелло? Остряк-весельчак, шутник-озорник, антагонист мрачному злодею Тарталье? Бессловесный «овощ», отрешенно глядя в одну точку, соответствовал имени ничуть не лучше, чем тилонский рудовоз – колесам от кареты, прикрепленным к маневровым соплам. Однако насиловать воображение не хотелось.

Пусть будет Пульчинелло.

Побуждаемый кормильцем, «овощ» встал, отнес миску с ложкой в посудомойку, неловко умылся под краном, вытер лицо и руки бумажным полотенцем и, отправив полотенце в утилизатор, вернулся на койку.

К счастью, нужные рефлексы лежали на поверхности.

– Так-то лучше, Пульчинелло. Запомнил? Пуль-чи-нелло...

Что, если закрепить имя в памяти «овоща», используя обратные связи вербального пучка? Куклы запоминают реплики, подобранные невропастом. Обычно куклы воспринимают их как свои собственные, но в данном случае это несущественно. Наиболее удачные фразы клиент с удовольствием повторяет и после окончания сеанса.

Воспользоваться эффектом?

Раньше он не задумывался над применением невропатического искусства в целях обучения. В конце концов, попытка – не пытка, как любил говаривать Гишер.

Вербальный пучок у блондина оказался кошмарный. Все нити перепутаны, как снасти у горе-рыболова, часть концов уходит не пойми куда... А это еще что такое?! Подобных нитей, мерцающих и ворсистых, Лючано раньше видеть не доводилось. Видимо, последствия разрушения психики. Того, к чему вели нити, больше не существует – и «бесхозные» связи обвисли, перепутались, мутировали...

Ладно, пробуем.

– Пульчинелло. Тебя зовут Пульчинелло.

Манипулируя пучком, он постарался как можно убедительнее донести до куклы идею имени. Если в опустошенном мозгу сохранились остатки воспоминаний, словарный запас, достаточный для выстраивания ассоциативных цепочек – есть шанс достучаться. Невропаст – не телепат. Он может лишь правильно организовать материал, уже имеющийся у клиента, вытащить на поверхность сокровище, похоро-

ненное в глубине...

– Пульчинелло. Это имя. Тебя так зовут.

Он проник глубже, стараясь дотянуться до основания вербального пучка, до системы понятий, знаков и образов. Ну же, еще чуть-чуть...

Мерцающие нити завибрировали крупной дрожью, как басовые струны. Ворс на них встал дыбом, напомнив шерсть на загривке разъяренного хищника. Нити утолщались, разгорались все ярче; казалось, по ним пустили электрический ток. Возникло низкое гудение, резонансом отдавшись в сознании Тартальи. Рой басовито гудящих шмелей ворвался в голову, и теперь бился в стенки черепа, силясь освободиться.

Хорошо хоть жалить не спешили!

На периферии восприятия что-то творилось. Чудилось: Пульчинелло растет, раздувается, напрягает чудовищные мышцы, заполняя собой все пространство, прижимая невропаста к решетке, не давая вдохнуть. В ответ из татуировки, визжащей в недоступном для человека диапазоне, начинают змеиться лианы, усеянные пятипалыми детскими ладошками, опутывая противника...

Какие лианы? Какие змеи?

Какой противник?

Пустоголовая марионетка-Пульчинелло?!

Лючано с усилием разорвал контакт. Разумеется, блондин по-прежнему сидел на койке, а сам он стоял посреди камеры, и никаких лиан из него не росло. На всякий случай он ощу-

пал плечо через ткань рубашки. Припухлость? вздутие? шелушение под кожей? – нет, ничего. Как и следовало ожидать.

«Ладно, пусть хотя бы ест самостоятельно...»

– Извини, Пульчинелло. Виноват. Больше не буду.

«Овощ» не ответил. Но, услышав свое новое имя, он впервые посмотрел на Лючано, а не просто в стену.

– Ты меня слышишь? Эй, Пульчинелло?

Тарталья прошелся по камере из угла в угол, искоса наблюдая за реакцией «овоща». Сомнений быть не могло: тот повернул голову, отслеживая перемещения! В голубых глазах Пульчинелло царила вселенская пустота, не замутненная и призраком случайной мысли, но взгляд следовал за Лючано как на привязи.

– Не скучай тут без меня. Увидимся вечером.

II

Вместе с одеждой Тарталье вернули персональный уник. Перед завтраком он подключился к терминалу в номере и скачал карту города, не желая блуждать в поисках снятого Юлией дома. Выйдя за ворота гладиатория, он ввел в устройство адрес, запустил поиск и запомнил кратчайший маршрут до цели.

Путь пролегал через квартал брамайнов – тот углом вклинивался в помпилианский сектор Эскалоны. Можно было взять наземное такси, карету или аэромоб, но Лючано решил

пройтись пешком. Времени до вечерней арены у нас в избытке, а к дому Юлии, судя по карте, не более получаса ходу. Развеемся, город посмотрим...

Вскоре он пожалел, что не взял такси.

В квартале брамайнов царила толчея. Началось столпотворение незаметно: смуглые, благожелательные люди выходили отовсюду – из домов, магазинов и лавок. Они никуда вроде бы не торопились. Мало ли зачем уважаемому человеку приспичило оставить четыре стены и выбраться на свежий воздух? Вежливые, они извинялись, стараясь никого не толкнуть; деликатные, если и прижимались к тебе, то быстро норовили юркнуть в сторону – и вскоре Лючано оказался намертво притиснут к стене «улья», а улицу запрудили брамайны Эскалоны.

Они ничего не делали – просто стояли.

Казалось, над кварталом только что кричали сирены гражданской тревоги. Но ни тени озабоченности не возникло на лицах брамайнов. Счастливые, приветливые, они чего-то ждали, тихо перешептываясь на родном, певучем языке.

– Прошу прощения! Разрешите!..

Работая локтями, Лючано стал пробираться к улочке, огибавшей ритуальное здание с куполом из нефрита. «Храм» располагался на окраине квартала – дальше, за крайним «ульем», опять начинался район помпилианцев. С облегчением он заметил, что следом, подстраиваясь в кильватер, на свободу стремится багровый от натуги техноложец – судя по

одежде, напичканной гаджетами, ларгитасец. Обождая нечаянного спутника, Лючано двинулся вперед с удвоенной энергией – в компании он чувствовал себя уютнее.

Кто их знает, этих брамайнов? Вот они улыбаются, а вот уже и не улыбаются...

Миновав крошечный ресторанчик, откуда так пахло специями, что хотелось чихать, беглецы оказались совсем близко к розовому мрамору ступеней «храма». Здесь толпа стояла не слишком плотно, раздваиваясь на манер ножниц. Обрадован, Лючано ринулся было в наметившийся просвет, но ларгитасец придержал его за воротник.

– Туда нельзя. Обидятся. Пересечь святой путь – к несчастью...

По ступеням спускались восемь молодых, голых по пояс брамайнов, неся на плечах широкую платформу. Чувствовалось, что парням тяжело. Лица налились кровью, торсы блестели от пота. Сперва Лючано удивился: энергии восьми «толкачей» хватило бы запустить платформу в стратосферу. Но вскоре заметил: носильщики, потея от напряжения, аж светились гордостью – вот, значит, тащим, на горбу, как древние предки в начале эволюционного пути!

Он поднял взгляд и едва не лишился чувств.

С платформы, с высоты резного трона, ему улыбалась Сунгхари.

Рабыня-брамайни сидела, неестественно выпрямив спину. Ее словно нанизали на пластиковый стержень. Правую

руку женщина приподняла в благословляющем жесте. Завернута в многослойные, яркие одежды, Сунгхари походила на куклу. Чем дольше Лючано смотрел на рабыню, тем яснее на ее лице, более темном, нежели обычно, проступала улыбка – хотя уголки рта были скорее опущены вниз.

Он дорого дал бы, чтобы никогда не видеть этой улыбки.

Живые люди так не улыбаются.

Так усмехается вечность.

– Еще одна сгорела на работе, – хмыкнул за спиной ларгитасец. Странная, насмешливо-уважительная нотка мелькнула в его голосе, низком и хриплом. – Что, раньше не видели? Завидую. Любуйтесь на здоровье, а я пошел. У меня через полчаса – совещание...

Платформу несли вдоль улицы. Лючано волей случая оказался в первом ряду. Чувствуя, как подгибаются колени, не в силах отвернуться, он смотрел, как плывет над толпой соплеменников бывшая рабыня. И не знал, жива Сунгхари, мертва, или он просто видит ее копию, продукт работы умелого скульптора.

«Чучело, – подсказал издалека Гишер. – А что, чем не вариант...»

– Вам плохо, достопочтенный?

Стоявший рядом брамайн тронул Лючано за локоть.

– Спасибо, все в порядке. Скажите... Кто эта женщина?

– Святая.

Брамайн поправил «гирлянды Шакры», украшавшие его

грудь. Аккумулируя избыточную энергию носителя, цветы тускло светились. В этом квартале практически все носили гирлянды-аккумуляторы, стремясь подзаработать. «Шакру» с радостью скупали торговцы энергоресурсами.

Три связки псевдо-цветов на шее собеседника Лючано, в отличие от одной-двух у прочих, говорили об очень мощном врожденном потенциале.

– Святая?

– Вы не поймете. А я не сумею объяснить. Там, где вы родились, встречались люди, которые однажды сделали больше, чем могли? Гораздо больше? Чтоб у остальных дух захватило?

– Ну... – Тарталья задумался. – Пожалуй, да. Мы называем это – подвиг.

– Вот и святая Сунгхари сделала больше, чем могла. Когда брамайн отдает больше энергии, чем имеет, чем накоплено у него в резерве – он уходит, оставаясь. Делается святым. Извините, я не могу понятней...

– Но ведь она – рабыня! Ее хозяин – легат Тумидус!

«Сейчас побьют, малыш! – охнул маэстро Карл. – Язык твой – враг наш...»

Брамайн наклонился к уху собеседника:

– Уже нет. Когда святая Сунгхари ушла, оставаясь, мы купили ее у хозяина. Помпилианцы наивны, как жадные дети, – аскет еле слышно хихикнул. – Они хотели утилизировать нетленное тело святой. И продали святую нам очень,

очень дешево. Они смеялись над нами: у этих глупых брамайнов есть глупые предрассудки! А мы смеялись над ними: у этих умных помпилианцев нет ничего святого...

Платформа миновала их, уплыв дальше. Лючано смотрел вслед Сунгхари, видя лишь спинку трона, да головной убор над резным верхом. Брамайни летела над толпой, безмолвной, как море на картине – человек-статуя, объект поклонения, равнодушный к фимиаму, уже не здесь, но еще присутствуя. Казалось, вокруг платформы, похожей на ту, что использовалась для сбора «ботвы», вырастает храм. Храм с демонами и зверями, где свистел бич и танцевала женщина. «Вихрь» вышел на орбиту, три человека были спасены: один хозяин, один раб и одна святая...

– Спасибо. Спасибо вам!

– За что? – удивился брамайн.

Не ответив, Лючано быстро направился прочь.

«Есть вещи, которых лучше не понимать, – сказал Добряк Гишер, сморкаясь. – Есть поступки, о которых лучше не вспоминать. И есть места, куда лучше не возвращаться. Жизнь проста, дружок. Это мы вечно все усложняем...»

Старик-экзекутор был прав.

III

Дом, избранный Юлией для пребывания на Террафиме, впечатлял. Не дом – дворец! В начале, если верить спра-

вочнику, загородная резиденция герцога Алонсо Великолепного, он располагался на юго-западной окраине. С годами Эскалона разрослась, нагуляла аппетит, проглотив дворец и растопырив повсюду ложноножки современных кварталов. Только не все, что проглочено, легко переваривается: дворец по-прежнему стоял сам по себе, наособицу, с легким презрением косясь на окружившее его быдло.

Орнаменты фасада. Полированный гранит отсвечивает глянцевой кровью. В витражных стеклах танцует живая радуга. Черные химеры по краям крыши жонглируют масляными бликами. Массивные дубовые двери о двух створках, ручки начищены до умопомрачительного блеска, горят на солнце...

Дворец окружал скромный парк.

Остановившись у чугунной калитки, Лючано поискал кнопку, сенсор или хоть что-то для вызова охраны. Не найдя, просто толкнул калитку, которая оказалась не заперта, и пошел по дорожке, выложенной брекчийей, к парадному входу. Там ничего искать не довелось: над дверью обнаружилась широкополосная камера наблюдения. Ниже висел идентификатор, установленный на скорую руку.

– Лючано Борготта?

Вежливый голос прозвучал из-за левого плеча. Похоже, дежурный воспользовался акустической линзой.

– Да, это я.

– Приложите ладонь к идентификатору.

– Пожалуйста.

Идентификатор звякнул с непривычной громкостью. Тарталья даже вздрогнул от неожиданности. Спустя двадцать секунд загорелся зеленый огонек.

– Проходите. Госпожа Юлия примет вас.

За дверями гостя ждал рослый помпилианец в черной форме без знаков различия. Из открытой кобуры на поясе торчала рукоять мощного парализатора «Шквал».

– Я вас провожу.

Широкая лестница на второй этаж. Ковровая дорожка. Мрамор перил с инкрустациями из яшмы и малахита. Огромная люстра – хрусталь подвесок, цветная эмаль, порфир – переделана под «вечные свечи», на вид неотличимые от восковых.

– Налево, прошу вас.

Гулкую пустоту коридора отчасти скрадывали гобелены из цветной шерсти, хоругви и панели, затянутые набивным шелком. Воздух чуть-чуть светился. В нем то здесь, то там проступали изменчивые очертания призраков. Заметив любопытство Тартальи, помпилианец счел нужным пояснить:

– Ионная подсветка. На цивилизованных планетах ею обычно не пользуются. А дикарям, вроде здешних, нравится. Специально для любителей фамильных привидений. Я тоже в Эскалоне впервые увидел...

Охранник был не прочь поболтать с семилибертусом, как и большинство его соотечественников. Но гостя ждала

Юлия. Те, кто имел удовольствие служить красавице, хорошо знали характер госпожи.

– Сюда, пожалуйста.

Кабинет потрясал воображение. Полки с рядами книг: антиквариат, бумага, переплеты из кожи. Таким место в музее, под колпаком «саркофага». Туша письменного стола: монстр стоял враскоряку, на когтистых лапах, неся на загривке тяжелый груз – чернильный прибор из серебра, терминал с голо-сферой, мерцающей в режиме «сна», электронный планшет для документов, коммутатор внутренней связи...

Но главным чудом кабинета была, разумеется, Юлия. Эта женщина легко вписывалась куда угодно: в медотсек галеры, в холл студии «вещунов», в ресторан, во дворец Алонсо Великолепного... В воображении Лючано до сих пор оставалось одно-единственное место, куда она не вписывалась.

В постель.

«Возможно, малыш, – с бесцеремонностью старого знакомого допустил маэстро Карл, – у тебя просто комплекс неполноценности. Как по мне, она чудно впишется в разостланную, еще теплую после ночи любви постель. Другое дело, впишешься ли туда ты...»

– Доброе утро. Вчера вы приглашали меня в гости. Я нагло решил воспользоваться...

– Правильно сделали. Наглость гармонизирует Вселенную. Присаживайтесь, а я распоряджусь... Кофе? Теллис? Вино?

– Если можно, тоник.

– Антоний! Организуй нам «Витализ» с лимоном. И чашку зеленого теллиса.

Охранник кивнул и растворился в дворцовом великолепии.

– Любуетесь?

Юлия прошлась по кабинету. Затянута в черный как смоль комбинезон, она напоминала химеру с крыши дворца: гибкая, сильная, опасная. Того и жди: высунет длинный раздвоенный язык, взмахнет крыльями и расхохочется, пикируя на добычу.

– Хижина дивная, не спору. Но техническая оснащённость, сами понимаете, на нуле. К счастью, у меня на «Герсилии» нашлось все необходимое. Владелец, маркиз Рибальдо Сота, отбыл в шестимесячный вояж по Галактике. Встреча наедине, капелька кокетства, целую ваши ручки, синьора, – и этот бабник любезно согласился дать мне приют. Кучу денег содрал, мерзавец...

Она погрозила кулаком в сторону портрета, украшавшего стену. С холста скалился разодетый в пух и прах наглец: холеное лицо, завитые локоны, верхнюю губу украшают жиденькие усики... Лючано вспомнил маркиза. Именно Рибальдо Сота, и никто иной, хамил ему в баре космопорта, накачиваясь коктейлями.

– У знатных террафимцев принято сдавать жильё за плату?

– Разумеется, нет! Вельможи выше предрассудков. Они и в сортир заходят церемониальным шагом. Однако Рибальдо здраво рассудил, что истинный кабальеро обязан прийти на помощь даме, которой негде остановиться, и бросил свой дворец к моим ногам. А деньги – пустяки, презренный металл, ниже нашего достоинства. Обратитесь к моему мажордому, он подсчитает эти жалкие гроши...

Юлия саркастически улыбнулась.

– Ладно, оставим маркиза в покое. Вы думали над моим предложением?

– Да. Я хочу как следует изучить контракт. Особенно в той части, где вы ограничились лишь намеком. Лючано Борготта еще около трех лет, согласно решению суда, должен оставаться в собственности Гая Октавиана Тумидуса. Рабом, семилибертусом; мебелью. У вас есть возможность изменить статус-кво?

– Есть. О, вот и наш заказ!

«Витализ» с теллисом принес другой помпилианец – в знакомой форме, но без оружия. Странно, подумал Лючано. Обычно у помпилианцев за напитками для господ бегают рабы. А «официант» свободный, как и Антоний.

– Удивляетесь, почему мне не прислуживает раб?

Юлия буквально читала мысли, причем уже не в первый раз. Лючано тайком поежился. Телепатка? Ему, знаете ли, на ум временами приходит такое...

– Нет, мой дорогой. Я не телепатка. Я физиогномистка.

И хорошо разбираюсь в людях. Возьмем, к примеру, вас. Вы – человек наблюдательный, имеете опыт рабства... Вас не могло не удивить, что с подносом вместо ожидаемого раба вошел свободный. Верно?

– Вы мне льстите, Юлия! Это я-то, по-вашему, наблюдателен? Что же тогда говорить о вас?

– То же самое, но в превосходной степени! – рассмеялась помпилианка. – Не волнуйтесь, скоро ваше любопытство будет удовлетворено. Но сперва – обещанный сюрприз.

Она сыграла замысловатый пассаж на сенсорах селектора. Нервничая в ожидании сюрприза, Лючано пригубил «Витализ». Кисловатый, с горчинкой тоник обжег нёбо. Буквально через минуту возник прилив энергии. Замечательный напиток! Но злоупотреблять им опасно – возникнет привыкание, организм начнет требовать увеличения доз... Недаром на ряде планет «Витализ» продают в аптеках, строго по рецепту.

В дверь постучали.

– Войдите.

– Давид? Джессика?!

– Здравствуйте, – хором отозвались близнецы.

Наваждение? Или на лицах юных гематров действительно проступила радость? Теперь Лючано знал правду. Вот они, дети Эмилии Дидье, в девичестве – Шармаль, умершей родами – и Адольфа Штильнера. Близнецы, унаследовавшие гены матери-энергета. Семейное сходство несомнен-

но. Живое доказательство того, что эксперимент сумасшедшего профессора увенчался успехом!

«Вот и держи язык за зубами! – вмешался Гишер. – Секреты дурно пахнут, дружок...»

– Как дела, ребята? С вами все в порядке?

– В порядке, – кивнула серьезная Джессика.

– Мы больше не деградируем, – уточнил Давид.

– Юлия! Откуда?..

Он обернулся к помпилианке.

– Я их выкупила у Гая.

Слово «выкупила» резануло отчетливым диссонансом. Купила – это понятно. Перекупила. Но «выкупила»? Или Юлия оговорилась? Нет, вряд ли.

Эта женщина знает, что говорит и делает.

– Вы не ослышались. Я их выкупила. По документам дети являются моей собственностью, но клейма на них нет. Сейчас они даже более свободны, чем вы.

Лючано впервые пожалел, что он не помпилианец. Ему не ощутить наличие или отсутствие клейма. А так, на вид... Знакомая бесстрастность на конопатых мордашках. Поди, разбери! Спросить напрямик? Глупости, под клеймом они скажут все, что безмолвно прикажет хозяйка.

Юлия, стерва Юлия! – почему тебе так хочется верить?

Джессика сегодня надела симпатичное платьице с оборками. Туфельки, скромные на вид, были изготовлены из натуральной кожи. В волосах – лента. На Давиде красовались ру-

башка и шорты, на ногах – сандалии. Рабов одевают в мешковатые робы... Нет, это ничего не доказывает! Помпилианка могла разыграть представление специально для гостя.

– Вы разрешите мне поговорить с детьми наедине?

– Да. Только не злоупотребляйте временем. У нас с вами остались кое-какие дела, мой милый. Не забыли? Чудесно. Воркуйте, голубки, я удаляюсь.

Царственной походкой Юлия покинула кабинет. Вне сомнений, по углам прятались скрытые камеры наблюдения, доставленные с «Герсилии». Но Лючано плевать хотел на соглядатаев. Смотрите на здоровье! Слушайте в три уха!

А он должен знать.

– На вас действительно нет клейма?

Близнецы переглянулись.

– Неправильный вопрос.

– А какой правильный? Погодите, не отвечайте! Дайте я сам соображу... Есть! Как мне убедиться, что вы – не рабы?

– Правильный вопрос, – губы Джессики чуть заметно дрогнули.

Улыбка? Скорбная гримаса?

Ни то, ни другое?

Лючано присел перед детьми на корточки.

– Ну?

– Правильный вопрос не гарантирует правильного ответа.

Однозначного теста на наличие-отсутствие клейма не существует. Наблюдая за нашим поведением достаточно долго, ты

сможешь это определить по совокупности признаков.

– Издеваетесь? Так вас и отдали мне под наблюдение!

– Ты не доверяешь Юлии. Это разумно, – согласился Давид, проходя к столу и с интересом изучая чернильный прибор. Пальцы мальчишки вскоре оказались густо измазаны в чернилах, а вслед за пальцами – и шорты. – Но другого способа нет. Если ты не помпилианец.

«Отстань от детей! – вмешался маэстро Карл. – Как стороннему наблюдателю определить, что куклу ведет невропат? Никак. Даже телепат-сканер не отслеживает нашего влияния, настолько оно вписывается в естественные реакции. А тебе приспичило отследить влияние клейма...»

– Эх вы, арифмометры курносые... Давно здесь?

– Со вчерашнего дня.

– Что делаете?

– Что захотим. Нас только в город не отпускают. А по дому можем ходить везде.

– И по паркам.

– Да, и по паркам. Тут их два: один снаружи, другой внутри.

– Мы гуляем, играем, считаем гематрицы... – Джессика старалась ничего не пропустить, – ...смотрим визор, размышляем, читаем...

– Спим и кушаем, – подвел итог Давид. – Джи, не надо рассказывать, что мы кушаем! Лючано это неинтересно.

Тарталья рассмеялся, подмигнув обиженной Джессике.

– Ну а я теперь семилибертус. В смысле...

– Я знаю, что такое семилибертус, – отыгралась вредная девчонка. – В дядиной книжке читала. Раздел VII, «Особенности расовых отклонений». Глава 12, «О компенсации», с диаграммами и фактурой пси-слоев. Вот!

– Наговорились?

Юлия возникла в кабинете бесшумно, как призрак, материализовавшийся из ионной подсветки коридора.

– Извините, крошки. У дяди с тетей намечается взрослый разговор. Вы еще увидите позже.

Близнецы кивнули и вышли за дверь, не попрощавшись.

IV

– Зачем вы выкупили близнецов? Чтобы продемонстрировать их мне?

Юлия ответила не сразу. Сперва прошлась по кабинету, подхватив с подноса калечас с горячим теллисом, расписанный черно-белыми узорами – круги, спирали, зигзаги, точки. От узоров рябило в глазах. Прикусила соломинку, сделала глоток-другой. Остановилась возле Тартальи, вернувшегося в кресло.

Брюнетка слегка покачивала бедрами, словно пританцовывая на месте. Лючано сделалось неловко. Ему всегда бывало неловко, когда он сидел перед стоящей женщиной. А тут еще красотка-рабовладелица на грани стриптиза...

«И ведь все понимает! – хмыкнул Добряк Гишер. – Понимает, и пользуется...»

– Неправильный вопрос, – то ли Юлия подслушивала, то ли нарочно воспользовалась любимым ответом близнецов. – Я могла бы ответить, что не хочу превращения детей в роботов. Это была бы правда. Но не вся. И вы потом хоть голову сломайте: в чем я соврала?! Я могу сказать, что дети мне нужны, как и вы, не в качестве рабов. Третий вариант: я позволила вам встретиться с детьми, желая завоевать ваше доверие и склонить к сотрудничеству. Где правда? Где ложь? Вместо всего этого я скажу вам...

Она взмахнула калечатом. Лючано внутренне сжался: казалось, Юлия решила выплеснуть кипяток в лицо собеседнику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.